

КИР БУЛЫЧЕВ
•
ПЕРПЕНДИКУЛЯРНЫЙ
МИР

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Гусляр

Кир Булычев

Перпендикулярный мир (сборник)

«Центрполиграф»

2015

Булычев К.

Перпендикулярный мир (сборник) / К. Булычев —
«Центрполиграф», 2015 — (Гусляр)

Исторический центр старинного города Великий Гусляр под ударом – для постройки скоростной магистрали решено снести несколько памятников архитектуры. Сохранить облик города может лишь чудо или... изобретение антигравитационного метода переноса зданий. Профессор Минц отправляет Корнелия Удалова в параллельную реальность к своему двойнику, преуспевшему в решении проблемы гравитации. О приключениях Корнелия в благополучном родном Гусляре и его ухудшенной копии вы узнаете из повести «Перпендикулярный мир» и других рассказов сборника.

Содержание

Перпендикулярный мир	6
Повесть о контакте	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Кир Булычев

Перпендикулярный мир

© К. Булычев, наследники, 2015

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление серии, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

* * *

Перпендикулярный мир

За десять минут до старта к народу вышел старик Ложкин.

Он был в длинных черных трусах и выцветшей розовой футболке с надписью «ЦДКА». В раскинутых руках Ложкин держал плакат с маршрутом. Маршрут меняли каждый день, чтобы было интересно бежать.

Участники пробега сгрудились, разглядывая сегодняшнюю задачу.

Бежать следовало в гору, до парка. Затем – по аллее до статуи девушки с веслом, вокруг летней эстрады, к строительной площадке нового цеха пластиковых игрушек, потом площадью Землепроходцев до пруда-бассейна за церковью Параскевы Пятницы. Финиш – перед городским музеем.

Без пяти восемь грянул духовой оркестр.

Оркестр стоял у самой реки, в начищенных трубах отражались зайчики от утренней ряби. С воды поднялись испуганные утки и понеслись к дальнему берегу.

Две пенсионерки, которые бегать не могли, но хотели участвовать, держали натянутой красную ленточку. Ложкин свернул плакат в трубку, передал его одной из старушек, а сам, приняв у нее мегафон, занял место во главе забега. В задачу Ложкина входил краеведческий комментарий о памятниках архитектуры и истории, которые встретятся на пути.

Отдаленно пробили куранты на пожарной каланче. Старушки опустили ленту, и толпа разноцветно и различно одетых бегунов двинулась в гору, к вековым липам городского парка.

Николай Белосельский бежал рядом с Удаловым. Бежал он легко, не скрывая счастливой улыбки. Ежедневные забеги здоровья перед началом трудового дня были его инициативой, и за последние два года он старался ни одного не пропустить.

Жилистый старик Ложкин не отставал. На бегу он обернулся и крикнул в мегафон:

– Оглянитесь назад! Полюбуйтесь, как мирно несет свои прозрачные, очищенные от промышленных отходов воды наша любимая река Гусь. Даже отсюда видно, как резвятся в ней осетры и лещи!

Удалов послушно оглянулся. Осетров и лещей он не увидел, но подумал, что надо будет в субботу съездить на рыбалку на озеро Копенгаген. Позвать, что ли, Белосельского? Пора ему отдохнуть. Третий год без отпуска. По самой середине реки весело плыли три дельфина. Дельфины были приписаны к спасательной станции, но работы у них было мало – к этой весне в Великом Гусляре обучили плаванию последних упрямцев.

Рядом с Белосельским бежала директорша музыкальной школы, разговорчивая хохотушка Зина Сочкина. Удалов знал, что она опять доказывает предгору необходимость создания класса арф в ее учебном заведении. Но с арфами трудно, даже в области они дефицит.

Бегуны растянулись по крутой тропинке. Оркестр заметно отстал. Только флейты держались в основной группе. Среди отставших оказался и профессор Минц, человек грузный и к физкультуре непривычный. Но упрямый. Он уже три недели бился над проблемой гравитации. И хоть утверждал, что гравитация нужна любимому городу в строительстве, Удалов подозревал, что действительная причина – желание с помощью такого изобретения прославиться в утренних забегах.

Удалова оттолкнул редактор городской газеты Малюжкин. Его небольшое квадратное тело несло громадную львиную голову. В двух шагах сзади бежал, сверкая очками, Миша Стендаль, корреспондент той же газеты. У Миши был редакторский портфель.

Малюжкин втиснулся между Белосельским и директоршей Зиной.

– Будем писать передовую? – строго спросил он.

Белосельский вздрогнул. Как и все в городе, он боялся Малюжкина, неукротимого борца за гласность, правду и демократию. Это «Гуслярское знамя», возглавляемое Малюжкиным,

разоблачило коррупцию на городском рынке, добилося регулярной подачи горячей воды в баню № 1, свалило презиравшего экологию директора фабрики игрушек, поддержало по крайней мере шесть смелых инициатив и раскрыло несколько случаев очковтирательства, включая приписки на звероферме. В последнем случае досталось, и за дело, самому профессору Минцу. Это он вывел для зверофермы новую породу черно-бурых лис с двумя хвостами, но не удосужился отразить в печати свое изобретение. А Пупыкин, который после снятия с должности предгор работал директором зверофермы, каждую лису сдавал государству за две, отчего перевыполнил все планы, получил множество премий и еще приторговывал хвостами на стороне. Борец за правду, Малюжкин опирался на широкие круги разбуженной общественности, а общественность опиралась на Малюжкина. Белосельский как исполнительная власть в городе от Малюжкина нередко страдал.

– Передовую писать не буду, – откликнулся Белосельский, переходя на спринтерскую скорость.

Он нарушил маршрут и свернул на узкие дорожки биологического городка, где были воспроизведены для детишек ландшафты планеты. Заверещали макаки, разинул пасть крокодил. Белосельский обогнул баобаб и полагал, что он в безопасности, но тут ему дорогу перекрыли три мамонта, выведенные методом ретрогенетики и сбежавшие по недосмотру зоотехника Левочки из пригородного хозяйства. Белосельский затормозил, Малюжкин настиг его и приставил диктофон к лицу Белосельского. Предгор был готов сдаться на милость прессы, но, к счастью, одна из макак выхватила диктофон у Малюжкина.

Белосельский нагнал Удалова на главной аллее, у статуи девушки с веслом.

– Трудно? – спросил Корнелий Иванович.

– Нелегко, – согласился Белосельский. – Но трудности нас закаляют. Сделаем рывок до музея? На время!

«И не подумаешь, что в одном классе учились, – вздохнул Удалов. – На вид он лет на десять моложе. Вот что значит активная жизнь и умеренность во всем».

– На рыбалку в субботу поедem? – спросил Удалов, стараясь не сбить дыхание.

– В субботу? В субботу у меня жюри. Конкурс детских танцев. Потом будем на общественных началах палаты купца Демушкина реставрировать. Давай в эту субботу вместе пореставрируем, а на рыбалку через неделю?

Удалов не ответил, потому что перед ним затормозил Ложкин и начал кричать в мегафон:

– Дорогие товарищи бегающие! Вы видите бывший пруд у памятника шестнадцатого века церкви Параскевы Пятницы. Этот пруд стараниями общественности и учащихся речного техникума превращен в лучший в области открытый бассейн. На нем установлена девятиметровая вышка. Желаящие прервать забег могут нырнуть с вышки.

Белосельский сразу побежал на вышку прыгать. А Удалов вспомнил, что у него в девять совещание в стройконторе, которой он руководил. А он еще не завтракал.

Удалов повернул на Цветочную, чтобы срезать квартал у рынка. К рынку тянулись подводы и автомашины – окрестные жители везли продукты и цветы на продажу.

Вот и Пушкинская. Скоро дом.

Хлопнула калитка. Из палисадника выскочил бывший предгор и завзверофермой Пупыкин. Был он в тренировочном костюме фирмы «Адидас», который некогда привез из командировки в Швейцарию. Он догнал Удалова и спросил:

– Белосельский участвовал?

– И Малюжкин тоже, – ответил Удалов, прибавляя ходу.

Пупыкина он не выносил – пустой человек, мелкий склочник и нечист на руку. Правильно сделали, что отправили его на пенсию.

– Скажешь Белосельскому, что я тоже участвовал, – сказал Пупыкин. – Я тренируюсь по индивидуальной программе.

Произнеся эти лживые слова, Пупыкин взмахнул руками, как крыльями, сделал разворот и потрусил обратно к дому.

«Всегда у него так, – подумал Удалов. – Даже в добровольном кроссе втирает очки».

Удалов перешел на шаг. Надо привести в норму дыхание.

Солнце поднялось высоко, припекало. От быстрорастущих кедров, которыми была засажена Пушкинская, на розовые и голубые плитки мостовой падала рваная тень. Белка соскочила с нижней ветки и перебежала улицу. Удалов наклонился над фонтанчиком, который предлагал прохожему газированную воду, и напился.

Римма Казачкина, непутевая пышногрудая девица из соседнего дома, по слухам, новая пассия архитектора Оболенского, проходя мимо, умудрилась задеть Удалова крутым бедром. Удалов сделал вид, что не заметил намека. Появился профессор Минц.

Минц устал, лысина блестела от пота. Он сопел и кашлял.

– Каждый забег, – сообщил он Удалову, – прибавляет мне день жизни. Я теряю четыреста граммов.

– Это пустое, Лев Христофорович, – возразил Удалов, входя вместе с профессором во двор дома шестнадцать. – За первым же обедом вы прибавляете полкило.

Минц насупился. Никто не любит горькой правды.

Ксения Удалова высунулась из окна второго этажа и крикнула:

– Два раза из конторы звонили! Каша тоже остыла.

Удалов взбежал по лестнице, легко перепрыгивая через две ступеньки.

– Ну как козел, – сказала Ксения, открывая дверь. – Для кого молодишься?

– А ты займись, – предложил Удалов, проходя в ванную. – Тоже помолодеешь.

– Нам это не надо, – возразила Ксения.

Она ценила свое тело, круглое, налитое, солидное.

– Максимка в техникуме? – спросил Удалов.

– Ты бы ему велел патлы остричь. Люди на улицах показывают пальцами.

– Перебесится, – ответил Удалов. – Ты тоже в мини-юбке ходила.

Снизу негромко застучало – значит, сосед Грубин включил вечный двигатель. Он у него по ночам отдыхал. Под окном гуднула машина, что развозила по квартирам молоко и сметану. Ксения брякнула на стол тарелку с кашей и побежала вниз. Начинался трудовой день в городе Великий Гусляр.

Удалов и Минц вместе пошли на совещание к Белосельскому.

Минц достал платок и высморкался.

– Боюсь, – сказал он, – что я сегодня простудился. Не надо было мне прыгать с вышки.

Площадь перед Гордомом была запружена народом. Ближе всех к дверям стояли пенсионеры. Тесной, крепкой толпой. Две бабушки, которых Удалов видел утром, развернули длинный плакат: «Спасем родной Гусляр от варварства!» Старик Ложкин уже в черном костюме, но с тем же мегафоном медленно шел вдоль лозунга и проверял, нет ли грамматических ошибок.

Студенты речного техникума плакатов не принесли. Им достаточно было портретов архитектора Оболенского. Портреты были увеличены из паспортных фотографий, к ним были пририсованы усы, а сорочка с галстуком замарана зеленым, так что получился френч. Фотографии покачивались на палках, и при виде этого зрелища Удалов перенесся мыслями назад, в годы своего детства, когда первомайская демонстрация в Гусляре текла к трибуне на центральной площади, а над ней покачивались портреты вождя.

Удалов подумал, что студенты зашли слишком далеко. О чем и сказал профессору Минцу, который тоже шел на совещание в горисполком.

– Мы с вами люди старшего поколения, – ответил профессор. – Чувство юмора мы склонны рассматривать как чью-то провокацию.

– Это уже не юмор, – откликнулся старик Ложкин. – Это недопустимый сарказм. Я думаю, что нам придется размежеваться с молодежью.

– Сейчас? – удивился Минц.

– Нет. Как только победим бездушных бюрократов!

Удалову стало стыдно под горящим савонароловским взглядом Ложкина. Но тут на площадь влетели рокеры на ревущих мотоциклах. Они тоже были одержимы гражданским чувством. Они носились вокруг толпы и выкрикивали нечто революционное. Сержант Пилипенко, который должен был следить за порядком, побежал к ним, размахивая жезлом, но рокеры умело уклонялись от его увещаний.

В стороне от входа, без лозунгов и плакатов, но настроенная решительно, стояла интеллигенция – общество охраны памятников, общество любителей книги, общество защиты животных, общество защиты детей. Их Удалов всех знал, ходил в гости. Но сейчас чувствовал отчуждение.

«Нет, – хотелось крикнуть ему, – нет! Я всей душой с вами! Я желаю охранять и множить памятники древности! Но я вынужден выполнять приказы вышестоящего начальства, я должен экономить народные деньги и продвигать наш город по пути прогресса. В нашем городе за годы советской власти уже снесли семнадцать церквей и сто других памятников, зато почти решили жилищную проблему».

Тут Удалов оборвал этот внутренний монолог, потому что понял, что монолог этот принадлежит не ему: это буквальное воспроизведение речи начстроя Слабенко на последнем совещании.

А вот и Пупыкин! Он что здесь делает?

Пупыкин стоял в сторонке, с ним его семья – Марфа Варфоломеевна и двое детей. Все в зеленом, даже лица зеленые. Дети держат вдвоем портрет неприятного мужчины в папаше.

Пупыкин нервно схватил Удалова за рукав и спросил шепотом:

– Ты ему сказал, что я участвовал в забеге?

– Скажу, – пообещал Удалов. – А ты что, покрасился?

– Мы всей семьей, – сообщил Пупыкин, – организовали неформальное объединение: партию зеленых. Мы охраняем природу.

– Похвально, – сказал Минц. – А чей это портрет? Что-то не припомню такого эколога.

– Это самый главный зеленый, – сообщил Пупыкин. – Мы его в книжке нашли. Атаман Махно.

– Пупыкин, советую, спрячь портрет. Этот зеленый экологией не занимался, – сказал Удалов.

– А чем занимался? – спросил Пупыкин.

– Совершал ошибки.

К тому времени, когда Удалов вошел в дом, Пупыкины успели растоптать портрет.

Минц с Удаловым поднялись по неширокой лестнице в кабинет Белосельского. Дверь была настежь. У Белосельского всегда так – дверь настежь.

Внутри уже действовал главный архитектор города, подтянутый, благородный Елисей Оболенский. С помощью юной архитекторши он приклеивал к стене виды проспекта Прогресса.

Редактор Малюжкин стоял в отдалении, смотрел на перспективы в бинокль. Миша Стендаль записывал что-то в блокнот.

Начстрой Слабенко уже сел и крепко положил локти на стол. Он был готов к бою.

Музейная дама Финифлюкина смотрела ему в спину проницательным взглядом, но пронзить его не могла.

– Начнем? – спросил Белосельский.

Начали рассказывать. Разговаривали, кто-то даже пошутил. Происходило это от волнения. Предстояла борьба.

«Живем в обстановке гласности, – подумал Удалов. – Вроде бы научились демократии, пожинаем плоды. А силы прошлого не сдаются».

Сила прошлого в лице главного архитектора Оболенского получила слово, взяла в руку указку из самшита и подошла к стене.

Оболенский любил и умел выступать. Но сначала спросил:

– Может, закроем окна? Мы ведь работать пришли, а не с общественностью спорить.

– Ничего, – ответил Белосельский. – Нам не впервой. Чего нам народа бояться?

Часть толпы роилась за окнами. Шмелями жужжали винты, прикрепленные к наспинным ранцам. Эти летательные аппаратики, что продавались в спортивном отделе универмага под названием «Дружок Карлсон», были изобретены Минцем по просьбе туристов для преодоления водных преград и оврагов. Были они слабенькие, но, как оказалось, полюбились народу. И не все использовали их в туристических целях. Некоторые школьники забирались с их помощью во фруктовые сады, некий Иваницкий выследил свою жену в объятиях Ландруса на третьем этаже, были и другие нарушения. Удалов с грустью подумал: насколько гениален его сосед по дому Лев Христофорович! Все подвластно ему – и химия, и физика. Но последствия его блестящих изобретений, как назло, непредсказуемы. Только вчера птеродактиль, выведенный методом ретрогенетики из петуха, искушал липкинского добермана-пинчера, который своим лаем мешал птеродактилю отдыхать на ветвях кедра. Хорошо еще, что не самого Липкина. А взять скоростные яблони – шестнадцать урожаев собрали прошлым летом в пригородном хозяйстве. В результате лопнула овощная база, не справившись с нагрузками. Нет, за Минцем нужен глаз да глаз.

Оболенский держал указку как шпагу и в поисках моральной поддержки посмотрел на начстрой Слабенко. Тот еще крепче сплел свои крепкие пальцы и едва заметно кивнул союзнику. Бой начался.

– Вы видите, – сказал Оболенский, – светлое будущее нашего города.

Широкий проспект был застроен небоскребами с колоннами и портиками и усажен одинаковыми подстриженными липами, которые водятся только в Версаях и на архитектурных перспективах.

Над проспектом расстилалось синее небо с розовыми облаками. В конце его возвышались голубые горы со снежными вершинами. Неужели он хочет свой проспект дотянуть до Кавказа, испугался Удалов. Но потом спохватился, понял, что это архитектурная условность.

В комнате царило молчание. Проспект гипнотизировал.

Оболенский победоносно окинул взглядом аудиторию, ткнул указкой в первый из небоскребов и заявил:

– Здесь мы расположим управление коммунального хозяйства.

Архитектор Елисей Оболенский в Гусяре человек новый, но уже укоренившийся.

Его импортировал Пупыкин.

Случилось это лет пять назад, когда Пупыкин совершал восхождение по служебной лестнице. Но пределов еще не достиг.

Как-то он прибыл в Москву, в командировку.

Помимо целей деловых, были у него идеалы. Хотелось найти в столице единомышленников, друзей. Особенно среди творческой интеллигенции. Пупыкин и сам был интеллигентом – учился в текстильном техникуме в Вологде, а затем на различных курсах. Он регулярно читал журналы и прессу.

Повезло Пупыкину на третий день. Он познакомился в гостиничном буфете с литературным критиком из Сызрани.

Тот прибыл в Москву на семинар по реализму и хотел укрепиться в столице, потому что в Сызрани трудно развернуться таланту. Критик с Пупыкиным друг другу понравились, вместе ходили в шашлычную и в кино, а потом критик повез его к своему покровителю, молодежному поэту. У поэта сильно выпили, говорили о врагах и национальном духе. Поэт громко читал стихи о масонах, а когда жена поэта всех их выгнала из дома, поехали к Елику Оболенскому.

Елик Оболенский, разведясь с очередной женой, жил в мастерской. Мастерская располагалась в подвале, по стенам висели иконы и прялки, в углах много пустых бутылок. Сам Елик Оболенский с первого взгляда Пупыкину не понравился. Показался духовно чужим по причине высокого роста, меньшевистской бородки, худобы и бархатной кофты. Оболенский курил трубку и грассировал.

Но товарищи сказали, что Оболенский – свой парень, из князей, Рюрикович. В мастерской тоже пили, ругали масонов, захвативших в Москве ключевые посты, поэт читал стихи о Перуне и этрусках, от которых, как известно каждому культурному человеку, пошел русский народ. Потом поэт с критиком, обнявшись, уснули на диванчике, а Оболенский показал Пупыкину свои заветные картины. Город будущего.

Эти картины Оболенский показывал только близким друзьям.

Картины были плодом двадцатилетнего творческого пути, который начался еще в средней школе.

Однажды мальчик Елик Залипухин – фамилию отчима Оболенского он примет лишь при получении паспорта – пошел с мамой на Выставку достижений народного хозяйства. Они гуляли по аллеям, любовались павильонами, сфотографировались у фонтана «Золотой колос». Так Елик ознакомился с архитектурой. И заболел ею. В тетрадках по алгебре он рисовал колоннады и портики, стену над своей кроватью обклеил фотографиями любимых памятников архитектуры – выставочных павильонов, греческих храмов, вокзалов на Комсомольской площади и станций Кольцевой линии московского метро. Даже гуляя по городу с любимой девушкой, Елик всегда приводил ее в конце концов на ВДНХ, где забывал о девушке, очарованный совершенством линий павильона Украинской ССР.

Поступал он, конечно, в АРХИ, то есть в Архитектурный институт, поступал четыре года подряд, и все неудачно. Но настолько за эти годы примелькался в институте, что постепенно все, включая директора, уверовали в то, что Оболенский – давнишний студент. У него принимали зачеты и посылали в подшефный колхоз на картошку. Вскоре он стал первым специалистом по отмывкам классических образцов. Никто не мог лучше его изобразить светотень на бюсте Аполлона.

Оболенский стал своего рода знаменитостью.

В иные времена завершил бы образование с блеском, но тут для романтиков наступили тяжелые времена. В архитектуру стало внедряться типовое проектирование, а студенты принялись изучать творчество неприемлемых оболенскому сердцу Нимейеров и Корбюзье.

Успеваемость Оболенского пошла под уклон, он затерялся в толпе середнячков, обзавелся хвостами, а как раз перед дипломом обнаружилось, что в институте он не числится как не прошедший по конкурсу.

Без сожаления Оболенский оставил институт, не отказавшись от своей великой мечты – перестроить должным образом все города мира. Устроился он не по специальности, но работал с удовольствием: изобретал и проектировал торты на кондитерской фабрике. Он соединил в тортах крем и архитектуру и тем прославился в кондитерских кругах. Ему персонально заказывали юбилейные торты для министров и народных артистов.

Но для интеллигентных друзей Елик Оболенский оставался архитектором и князем. Раздобыв через свою любовницу, что работала в отделе нежилых помещений, подвал и устроив там мастерскую, Оболенский подружился с борцами за национальный дух. В его мастерскую всегда можно было приехать с другом или девочкой, выпить и поговорить о насущных пробле-

мах. Проекты городов будущего Оболенский показывал только близким, доверенным лицам, а молодежные поэты довольствовались лицезрением икон и прялок.

Как только Пупыкин стал предгором, он тут же выписал Оболенского. Дал ему квартиру и пост главного архитектора города. Оболенский привез с собой вагон планшетов и начал лихо-радочно готовить снос и воссоздание Великого Гусляра. Но не успел: Пупыкин потерял свой высокий пост и неудержимо покатился вниз.

Оболенский, которому некуда было деваться, остался в главных архитекторах, может, потому, что не завел себе врагов, если не считать обиженных мужей и брошенных девиц, может, потому, что сблизился с начстроем Слабенко. Слабенко тоже хотелось снести Великий Гусляр, мешавший начстрою развернуться. Правда, от полной переделки Гусляра пришлось отказаться, но одну магистраль Оболенский со Слабенко надеялись пробить.

Магистраль должна была разрезать город пополам и тем сразу решить все транспортные проблемы, а также обеспечить СУ-1 впечатляющей работой на десятилетку. Замыслил ее Пупыкин, чтобы возить по ней областные и иностранные делегации. Но общественность давно уже подняла свою многоголовую голову и начала возражать. Так что магистраль, ради которой надо было снести шесть церквей, последний гостиный двор и шестнадцать зданий позапрошлого века, оказалась под угрозой.

– Без магистрали, – говорил Оболенский, расхаживая вдоль перспективы и иногда указывая на тот или иной ее участок, – наш город обречен задохнуться в транспортных проблемах и оказаться за бортом прогресса. Некоторые мои оппоненты твердят, что историческое лицо города разрушится. Это не то лицо, которое нам нужно. Позвольте спросить: хотят ли люди тащиться на работу по узким кривым улочкам наших дней или желают мчаться к воротам родного предприятия на скоростном автобусе по прямому проспекту?

Когда Оболенский кончил свою речь, в тишине раздался твердый голос Слабенко:

– Мы согласны.

Сам строитель, хоть и небольшого масштаба, Удалов понимал, что Слабенко куда удобнее и выгоднее получить для застройки большую, в полгорода, площадку и одним ударом развернуть эпопею. Когда куешь эпопею, не надо мелочиться. Что за жизнь у Слабенко сегодня? То на Грязнухе детский садик, то новый корпус для общежития, то втискиваешь жилой квартал над парком, то срываешь ремонт музыкальной школы – вот и бегаешь вдоль плотины, как тот самый голландский мальчик с вытянутым пальчиком. А вокруг бушуют зрители – то есть общественность, и все недовольны, что не так затыкаешь, как им хочется.

Ох и сердит Слабенко на общественность, ох и недоволен он Белосельским, который пошел у нее на поводу, развел гласность без пределов. Даже секретаршу отменил. Дверь не запирает. А если враг проникнет?

Клевреты спешат подражать предгору. Малюжкин, главный редактор газеты, уже второй год как переметнулся на сторону гласности. Пошел даже дальше, чем городское руководство. Сорвал с петель дверь в свой кабинет и выкинул на свалку. А над дверным проемом прикрепил неоновую вывеску: «Прием в любое время суток!» В «Гуслярском знамени» любое начинание поддерживают. Правда, Малюжкин всегда сначала позвонит Белосельскому: «Как, Николай Иванович, есть мнение?» И каждый раз отвечает ему Белосельский: «А как твое мнение?» Тогда Малюжкин смело идет вперед.

– Сколько лет горе-проектировщики измываются над нашим городом?! – воскликнул, поднимаясь, Малюжкин. – У меня в руках печальная статистика тридцатых и сороковых годов. Снесено несчетное количество памятников архитектуры. В оставшихся устроены склады, а колокольня собора превращена в парашютную вышку.

– Разве мы пришли сюда слушать лекцию о парашютах? – спросил Слабенко.

– При чем тут парашюты! – закричал Малюжкин. – Вы меня не сбивайте. Вы лучше ответьте народу, зачем в позапрошлом году затеяли реконструкцию под баню палат купца Гамоватого?

– Под сауну, – поправил Слабенко. – Для сотрудников зверофермы. Труженики хотели мыться.

– Под личную сауну для пресловутого Пупыкина, – подала реплику директорша библиотеки.

Кипел большой бой.

Трижды он прерывался, потому что массы под окнами требовали информации о ходе совещания, и эту информацию массам, разумеется, давали, поскольку в Великом Гусляре не бывает тайных дискуссий и закрытых совещаний.

Трудность была в том, что даже самые страстные ревнители города понимали: магистраль пробивать придется – иначе с транспортом не справиться. Но даже если отвергнуть планы Оболенского, часовня Святого Филиппа и три старых особняка окажутся на ее пути.

На втором часу дискуссии Белосельский обернулся к профессору Минцу и спросил:

– А что думает городская наука? Неужели нет никакого выхода?

– Я держу на контроле эту проблему, – откликнулся Минц. – Конечно, неплохо бы построить туннель под городом, но, к сожалению, бюджет Великого Гусляра этого не выдержит.

– Вот видите, – сказал Оболенский. – Даже Лев Христофорович осознает.

– Есть ли другой путь? – спросил Белосельский.

– Есть, и кардинальный, – произнес Минц.

– Подскажите, – попросил Белосельский.

– Гравитация, – сказал Минц. – Как только мы овладеем силами гравитации, мы сможем подвинуть любой дом и, кстати, обойтись без подъемных кранов.

– За чем же дело стало?

– К сожалению, антигравитацию я еще не изобрел, – виновато ответил Минц. – Теоретически все получается, но на практике...

– Чем вам помочь? – спросил Белосельский, переждав волну удивленных возгласов. – Может, нужны средства, помощники, аппаратура?

– Вряд ли кто-нибудь в мире сможет мне помочь, – ответил Минц и чихнул. – Второго такого гения Земля еще не родила. – Минц замолчал, медленно закрыл рот и задумчиво опустил на стул.

– Что с вами? – спросила Финифлюкина. – Может, воды принести?

Минц отрицательно покачал головой.

С минуту все молчали. Лишь с площади доносился ровный шум толпы. Наконец Минц поднял голову и оглядел присутствующих.

– Завтра я дам ответ.

– Это чепуха! – сказал Оболенский. – Это шарлатанство. Ни один институт в мире этого не добился, даже в Японии нет никакой гравитации. Надо хорошо проверить, из чьего колодца черпает Минц свои сомнительные идеи.

Слабенко лишь саркастически улыбался.

И тогда Белосельский произнес:

– Я надеюсь, присутствующие здесь товарищи и представители общественности согласятся, что вопрос настолько серьезен, что лучше отложить его решение на два дня. Я лично глубоко верю в гений товарища Льва Христофоровича. Он не раз нам это доказывал.

Когда Оболенский стал выковыривать кнопки, чтобы снять свои радужные перспективы, Белосельский заявил:

– А вы, Елисей Елисеевич, оставьте эти произведения здесь. Пусть люди ходят в мой кабинет, смотрят, создают мнение.

Удалов проводил Минца до дома. Тот совсем расклеился. Чихал, хрипел – утренний пробег роковым образом сказался на его здоровье, подорванном мыслительной деятельностью.

– Вы что замолчали, Лев Христофорович? – спросил Удалов. – Что за светлая идея пришла вам в голову?

– А вы догадались? – удивился профессор. – Я думал, что никто не заметил.

– Я вас хорошо знаю, сосед, – сказал Удалов. – Вспомните, сколько мы с вами всяких приключений пережили!

Удалов остановился, приложил ладонь ко лбу профессора и определил:

– Лев Христофорович, у вас жар. Сейчас примите аспирин и сразу в постельку.

– Нет! – воскликнул Минц. – Ни в коем случае! Я должен немедленно ехать... идти... перейти. Я дал слово. Город ждет!

– Лев Христофорович, – возразил Удалов, – вы не правы. В таком состоянии вы ничего сделать не сможете. И если надо куда-то съездить, вы же знаете – я всегда готов. Тем более для родного города.

– Нет, – не согласился Лев Христофорович, пошатываясь от слабости. Простуда брала свое. – Предстоящее мне путешествие очень опасно. Потому что оно совершенно непредсказуемо.

– Путешествие?

– Да, своего рода путешествие.

Они дошли до ворот дома шестнадцать. Погода испортилась, начал накрапывать дождик. Желтые листья срывались с деревьев и приклеивались к мокрому асфальту. Минц остановился в воротах и сказал:

– Вам, Корнелий, я могу открыть опасную тайну, которая не должна стать достоянием корыстных людей и милитаристских кругов.

– Погодите, – перебил друга Корнелий. – Сначала мы пойдем домой, чайку согреем, аспиринчику хлопнем, а потом поговорим.

– К сожалению, у нас нет времени, – упирался Минц. – Вы же видите, в каком критическом положении оказался наш город. Слабенко имеет поддержку в области. От меня ждут быстрых решений. Я дал слово.

Все же Удалову, который был помоложе, удалось затащить Минца в подъезд. Он оставил профессора перед дверью его квартиры и велел переодеться, а сам обещал тут же прийти.

Тут же прийти, конечно, не удалось. Пока сам умылся да рассказал все Ксении.

За обедом включил телевизор, местную программу. Показывали общественный суд над Передоновым, который кинул на мостовую автобусный билет. Прокурор требовал изгнания из Гусляра, защитник нажимал на возраст и славную биографию. Преступник рыдал и клялся исправиться. Ограничились строгим порицанием. Потом была беседа с сержантом Пилипенко о бродячих кошках. Пилипенко полагал, что это происходит от недостаточной нашей любви к кошкам. Если кошку ласкать, она не уйдет из дома.

Вдруг словно звякнул внутри звоночек. Как там Минц? А вдруг он, презрев температуру, уйдет из дома?

В одну секунду Удалов сбросил домашние туфли, натянул ботинки и накинул пиджак. Еще через минуту он уже был у Минца, который без сил лежал на диване.

– Сейчас я согрею вам чай, – сказал Удалов, включая плиту. – Вам нужен постельный режим.

– Нет! – закричал Минц.

Он попытался встать, но ноги его не держали.

Удалов принес чай и таблетки. Минц сдался. Он покорно выпил горячего чая, проглотил таблетки, и только потом Удалов согласился его слушать.

– Я знаю, – сказал Минц слабым голосом, – что за два дня проблему гравитации мне не решить. Слишком много еще не сделано. Но есть надежда, что один человек ближе меня подошел к решению загадки.

– И вы к нему собирались ехать?

– Вот именно.

– И куда, если не секрет? В Японию? В Конотоп?

В голосе Удалова звучала ирония. Уж он-то знал, что на Земле нет никого, кто сравнился бы гениальностью с профессором Минцем.

– Еще дальше, – улыбнулся Минц.

– Разумеется, за лесом вас ждет космический корабль.

– Вы почти угадали, мой друг, – сказал Минц.

– И как же зовут этого вашего благодетеля?

– Минц, – ответил профессор. – Его зовут Лев Христофорович Минц.

– Бредите, что ли? – испугался Удалов.

– Нет, я в полном сознании. Я хочу воспользоваться фактом существования параллельных миров.

– А они есть?

– Есть, и множество. Но каждый чем-то отличается от нашего. Я обнаружил тот из них, что развивается вместе с нами и различия которого с нашим минимальные.

– То есть существует Земля, – сразу сообразил Удалов, – где есть Великий Гусяр, есть профессор Минц.

– И даже Корнелий Удалов, – сказал профессор.

– Это точно?

– Это доказано теоретически.

– И вы хотите поехать туда?

– Вот именно. Там живет мой двойник.

– Но если вы не изобрели этой самой гравитации, почему вы решили, что он изобрел гравитацию?

– Параллельный мир, назовем его Земля-2, не совсем точная наша копия. Кое в чем он отличается. И если верить моим расчетам, он движется во времени на месяц впереди нашего. А уж за месяц я наверняка изобрету антигравитацию.

– Ну и отлично, – сказал Удалов, который умом конечно же согласился с очередным открытием Минца, но душа его такого оборота событий не восприняла. Трудно представить, что где-то за миллиарды галактик или миллионы световых лет живешь ты сам, и жена твоя Ксения, и профессор Минц, и даже товарищ Белосельский.

– Не верите? – спросил Минц.

– Верю-то верю, да не знаю. А далеко до него?

– Этого наука сказать не может, – ответил Минц. – Потому что существование параллельных миров подразумевает многомерность Вселенной. Она изогнута так сложно, что параллельные миры фактически соприкасаются и в то же время отстоят на миллиарды световых лет. Нет, это выше понимания человека!

– Ну раз выше, то не надо объяснять, – согласился Удалов. – Выздоровеете, отлежитесь – и отправляйтесь в ваш параллельный мир, поговорите с самим собой, может, и в самом деле поможет.

– Вы ничего не поняли! – воскликнул простуженный профессор. – Я же дал слово! Город ждет! Если через два дня я не изобрету антигравитацию, Оболенский начнет... – Голос профессора прервался.

– Не переживайте, – возразил Удалов. – Вы не один. С вами общественность.

– Я обещал, – слабым голосом повторил профессор.

Тут он принялся биться, бредить и довел Удалова своими стенаниями до того, что он заявил:

- Ладно уж, схожу вместо вас.
- Нет, это опасно!
- Почему?
- Мы не знаем, в чем разница между нашим и тем миром.
- А какая может быть разница, если миры параллельные?
- Параллельные, но не обязательно идентичные.
- Тогда тем более интересно.
- Я не могу взять на себя ответственность.
- Утречком, до работы, и схожу.
- А если придется задержаться?
- Перекушу там. Деньги небось одинаковые?
- Удалов, вы задаете бессмысленные вопросы! – рассердился профессор. – Я там не был, никто там не был. Проголодаетесь, зайдите к самому себе, неужели не накормят?
- Значит, можно идти налегке, – сказал Удалов.
- По моим расчетам, путешествие займет часа два. Вам надо заглянуть в собственный дом, встретить меня, поговорить, все объяснить, взять формулы гравитации, если они есть, – и тут же обратно.
- Вот и договорились, – обрадовался Удалов. – Отдыхайте. Может, все же врача вызвать?
- Нет, мой организм справится, – ответил Минц.
- Дайте мне слово, что до утра с дивана не встанете!

После некоторого колебания Минц дал слово, и Удалов ушел к себе успокоенный. Слово Льва Христофоровича нерушимо.

К путешествию в параллельный мир Удалов отнесся без паники. Ему уже приходилось путешествовать. Правда, новое путешествие давало пищу для размышлений. И Удалов размышлял.

В тот вечер они пошли с Ксенией в отреставрированный городской театр, где давал концерт камерный оркестр под управлением Спивака. Теперь, когда духовная жизнь Великого Гусяря оживилась, туда приезжали многие выдающиеся артисты, даже из-за рубежа. На некоторые концерты было трудно попасть. Например, на вечер Адриано Челентано съехались зрители со всего района, даже из Тотьмы и Пьяного Бора.

Гастролеры также были довольны Гусярем. И его памятниками старины, и мирным добродушным гусярским населением, и энтузиазмом любителей искусства. Но больше всего они ценили гусярский театр, построенный в конце XVIII века радением купца Семибратова, правда к концу прошлого века обветшавший и заброшенный. В годы первых пятилеток в нем был склад, затем его перестроили под галошную артель. Пупыкин, в краткую бытность свою главой города, хотел сделать в бывшем театре Дом приемов, но Оболенский уговорил его театр снести и на его месте воздвигнуть Дом приемов из белого мрамора. К счастью, Пупыкина сняли, а театр восстановили методом народной стройки. Каждый второй гусярец выходил на эту стройку добровольно, а кто не мог выйти, способствовал в меру сил шитьем портьер, изготовлением бронзовых дверных ручек или выпиливанием деревянных деталей. Когда театр, скромный, уютный, открыл свои двери, специалисты всего мира были поражены его акустикой. Даже шуршание актерских ресниц долетало до последнего ряда, облагораживаясь в полете.

А что касается музыкальных инструментов, то их звучание в зале, созданном руками неизвестных гусярских умельцев, резко менялось к лучшему. Стоявший на сцене рояль фабрики «Красный Октябрь» звучал чуть-чуть лучше «Стенвея», а скрипки!.. Страдивари умер бы от зависти!

Удалов с Ксенией сидели в третьем ряду, наслаждаясь музыкой, вернее, Ксения наслаждалась, а Удалов думал. Если в том мире с гравитацией не выгорит, придется, видимо, искать еще один – ведь их бесконечное множество. Если с первого раза не удастся, придется взять отпуск за свой счет. Да, прав Минц: параллельные миры должны оставаться государственной тайной. Не дай бог, если мерзавец решит воспользоваться ими для своих целей. А что, если уже воспользовался? Что, если где-то другой Минц уже разработал такое путешествие, но у него нет верного друга в лице Удалова? Доверился он какому-нибудь проходимцу, и тот уже здесь. Зачем он здесь? А затем, чтобы похитить ценную вещь из музея!

Эта мысль Удалова испугала, и он стал крутить головой, опасаясь увидеть пришельца. Потом понял – не увидишь. Ведь все пришельцы – двойники. Ты смотришь на него, думаешь: вот провизор Савич со своей супругой Вандой Казимировной. А на самом деле это дубль Савича и дубль его супруги. Или еще хуже – дубль Савича, а супруга настоящая. Постой, постой, а как же с Ксенией? Значит, там есть вторая Ксения? Такая же или чуть другая?

Удалов поглядел на свою жену. Она ничего не видела вокруг, сжимала в пальцах платок – печальная музыка Сибелиуса привела ее в состояние экстаза.

Когда они шли домой из театра, Удалов сказал Ксении, что завтра поедет в местную командировку, может задержаться.

– Куда? – спросила Ксения рассеянно. Она все еще находилась во власти искусства.

– Ты мне теплые носки приготовь. И пуговицу к плащу пришей.

Если бы не музыка, Ксения, конечно, выпытала бы у Удалова, куда он собрался. Но сейчас ей не хотелось ничего выпытывать. Вечер был тихий, чудесный, дождь перестал, ветер стих. По разноцветным плиткам новой мостовой медленно гуляли жители города, обогащенные искусством. Уютно светились витрины магазинов и кооперативных кафе. По дороге Удалов с Ксенией заглянули в гастроном, купили сервелата, немного красной икры, бананов и сливок – на завтрак. Продавщица Дуся очень жалела, что не смогла побывать на концерте, но говорили, что Спивак обещал дать утренний концерт для тех, кто не смог послушать его вечером.

Отослав Ксению с покупками домой, Удалов осторожно заглянул к Минцу.

Минц спал. Во сне он шевелил губами, бормотал, волновался.

Утром Удалов чуть было все не погубил. Когда оделся, сделал уже шаг к двери, обернулся, поглядел на Ксению и подумал: «А вдруг я ее больше не увижу?» Потому он вернулся, обнял жену и поцеловал.

Эта нежность встревожила Ксению.

– Ты что? – испугалась она. – Ты куда?

– К вечеру вернусь, – произнес Удалов, но голос его дрогнул.

– Что-то тут неладно, – сказала Ксения. – Признавайся, кто она?

– Клянусь тебе, Ксюша, – ответил Удалов. – Отправляюсь в деловую командировку, в интересах города. А поцеловал тебя от возникшего чувства. Неужели этого не может быть?

– Что-то раньше ты меня по утрам не целовал, – резонно заметила Ксения. – А раз раньше не целовал, а теперь полез, значит, дело нечисто.

– Господи! – возмутился Удалов. – Собственную жену уже поцеловать нельзя без скандала!

Обиделся он на Ксению.

Ушел, хлопнув дверью. Чем, правда, Ксению несколько успокоил.

К Минцу Удалов вошел шумно, распахнул дверь, чуть не свалив этажерку с журналами.

Минц уже проснулся, он сидел на диване, закутанный в одеяло.

– Удивительное дело, – сказал он при виде Удалова. – Не могу встать. Слабость такая, даже стыдно.

– Ничего, – ответил Удалов. – Давайте не будем терять времени даром. Лекарства принимали?

Удалов скинул плащ, быстро согрел чайник, по-товарищески приготовил завтрак, а тем временем Минц рассказал ему, что надо делать.

Переходить в параллельный мир придется в особой точке, которую вычислил Минц. Находится она в лесу, за городом, на шестом километре. И это хорошо, потому что переход сопровождается выбросом энергии, а выбрасывать ее лучше в безлюдном месте, чем среди людей, которых можно повредить. Для перехода надо вынуть из чемодана набор ограничителей, похожих на столовые ножи, воткнуть их в землю вокруг себя, затем нажать на кнопку энерготранслятора. Там, в параллельном мире, следует также оградить место входа ограничителями и запомнить его – в другом не перейдешь.

Выслушав инструкции, сложив в портфель набор ограничителей и прикрепив к рубашке маленький энерготранслятор, Удалов был готов к походу.

– Учтите, мой друг, – сказал Минц. – Перейти может только один человек. Я не смогу прийти к вам на помощь. Но я убежден, что в любом параллельном мире профессор Минц останется таким же профессором Минцем, а Корнелий Удалов – таким же отважным и добрым, как здесь. Так что при любых трудностях обращайтесь ко мне или к себе.

Минц приподнял слабую руку.

– Жду! – сказал он вслед Корнелию. – Со щитом, но не на щите.

Удалов вышел, раздумывая над смыслом неизвестной ему поговорки. Что, интересно, имел в виду профессор под щитом? Но вскоре он выкинул эту мысль из головы и поспешил к автобусу.

Автобус был полон – час пик, все спешат на работу. Он долго кружил по узким улицам, минут пять стоял на перекрестке – такое интенсивное движение было в Гусляре. И Удалов проникся важностью своей миссии. Именно он призван разгрузить транспортные потоки и спасти город. Народу трудно.

У гастронома в автобус влез Пупыкин. Как всегда, подобострастный, улыбающийся.

Как странно, подумал Удалов, что этот человечек с потными ладошками целый год пробыл во главе города и, не возмутись общественность, не наступил эра демократии, сейчас продолжал бы сживать со свету честных людей.

– Корнелий Иванович! – пискнул Пупыкин. – Какое счастье. А я на утренний пробег спешу. Вы не бежите сегодня?

– Дела, – сказал Удалов. – Некогда сегодня. Завтра побегу.

– Ах, у меня тоже дела, – признался Пупыкин. – Но надо показаться товарищу Белосельскому. Он может подумать, что я манкирую своим здоровьем. Правда?

– Не знаю, что думает товарищ Белосельский, – ответил Удалов. – У него и без вас забот много.

– Да, Николай Иванович страшно занят! Я лучше любого другого могу понять и разделить его заботы. Я слышал, что в управлении охраны природы ищут инструктора по пернатым. Вы не могли бы замолвить за меня словечко?

– Но я-то при чем? – с тоской спросил Удалов, глядя в окно автобуса.

– Вы имеете связи, – сказал Пупыкин убежденно. – Сам товарищ Белосельский с вами советуется.

– Какие уж там связи!

– Нет! – взвизгнул Пупыкин и попытался игриво ткнуть Удалова пальчиком в живот. – Есть связи, есть! А мне на пенсию рано. Бурлит энергия, хочу внести вклад!

Тут автобус остановился, и водитель произнес:

– Пристань. Следующая остановка – городской парк.

Удалов сильно подтолкнул Пупыкина к выходу, и тот пропал в толпе.

Еще недавно ты был другой, подумал Удалов, совсем другой. А какой настоящий? Этот Пупыкин или тот, кто вызывал Удалова на ковер и прочищал ему мозги?

...В лесу на шестом километре Удалов отыскал нужное место.

Там Минц уже пометил мелом два ствола, между которыми надо ставить ограничители.

Удалов открыл портфель. В лесу было тихо, даже птицы не пели. Осень. Только случайный комар крутился возле уха.

«Будем надеяться, – сказал себе Удалов, – что там, в параллельном, тоже нет дождя».

Он расставил ограничители, воткнул их поглубже в землю, чтобы кто из грибников не польстился на блестящие ножики, забросал их бурыми листьями.

Потом вошел в круг, нащупал у воротника кнопку на энерготрансляторе и, зажмурившись, нажал на нее.

И тут же его куда-то понесло, закрутило, он потерял равновесие и стал падать, ввинчиваясь в пространство.

На самом же деле он никуда не падал, и если бы случайный прохожий увидел его, то поразился бы полному, средних лет человеку, который отчаянно машет руками, будто идет по проволоке, но притом не двигается с места. И постепенно растворяется в воздухе.

Когда верчение и дурнота пропали, Удалов открыл глаза.

Путешествие закончилось. А может, и не начиналось. Потому что вокруг стоял такой же тихий лес и точно так же звенел у уха поздний комар.

Потом далеко-далеко закуковала кукушка. Удалов стоял, слушал, сколько лет ему осталось прожить. Получалось тринадцать. Приемлемо. Как раз до пенсии. Откуда-то донеслись выстрелы. Неужели и здесь не истребили браконьеров?

Удалов огляделся, посмотрел, стоят ли ограничители. Ограничителей не было. Земля пустая. А раз сказок и чудес на свете не бывает, значит, Удалов уже в параллельном мире. И надо его тоже пометить ограничителями.

Что Удалов и сделал. И так же, как в своем мире, он засыпал их сухими листьями.

Потом посмотрел на небо. Небо было пасмурным, дождь мог начаться в любую минуту. Куда идти?

«Глупый вопрос, – ответил сам себе Удалов. – Идти надо в город, к себе домой».

Удалов решительно пошел к шоссе.

Первое различие с собственным миром Удалов заметил на автобусной остановке.

Сама остановка была такая же – бетонная площадка, на ней столб с номером и расписанием. Только столб покосился, а расписание было настолько избито дождями и ветрами, что не разберешь, когда ждать автобуса.

Время шло, автобус не появлялся. Мимо проехало несколько машин, но ни одна не остановилась, чтобы подобрать Удалова.

Тогда Удалов пошел пешком. До города шесть километров, но километра через два будут Выселки, а оттуда ходит «двадцатка» до самой Пушкинской.

Шагая, Удалов внимательно осматривался, отыскивая различия.

Различий было немного. Например, шоссе. В нашем мире его еще прошлой весной привели в порядок. Здесь, видно, недосуг это сделать. Встречались выбоины, ямы, кое-где большие трещины. Как специалист, Удалов понимал, что, если не заняться шоссе в ближайшее время, придется вкладывать в ремонт большие деньги. Надо будет сказать. А кому сказать? «Скажу Удалову», – решил Удалов.

Наконец впереди показались крыши Выселок. Удалов вышел на единственную улицу поселка. У магазина на завалинке сидели два грустных местных жителя. Дверь в магазин была раскрыта. На автобусной остановке ни души.

Удалов подошел к магазину и спросил у местного жителя:

– Автобус давно был?

– Автобус? – Человек поглядел на Удалова как на психа. – Какой тебе автобус?

– До центра, – сказал Удалов.

– Ему нужен автобус до центра, – сообщил человек своему напарнику.

– Бывает, – ответил тот.

Из дверей вышел еще один человек, постарше. Он нес в руке темную бутылку.

– Есть политура, – сказал он и быстро пошел прочь.

Собеседники Удалова помчались вслед за обладателем бутылки.

Удалов закричал:

– Автобус когда будет?!

Мужчины не ответили, но старушка, что вышла из магазина вслед за человеком с бутылкой, сказала:

– Не будет автобуса, милок. Отменили.

– Как отменили? Надолго?

– В виде исключения по просьбе трудящихся.

– А когда он придет?

– Никогда он не придет, – объяснила старушка. – Зачем ему приходить, если у нас есть такая просьба, чтобы он не приходил.

– Но до города четыре версты пехом!

– А ты не спеши, воздухом дыши. Потому автобус и отменили, чтобы люди больше воздухом дышали. Для здоровья.

– Ты, бабушка, не шутишь?

– Не дай бог! Васька Иванов пошутил. Где он теперь? Молчишь? То-то.

Удалов не знал ни Васьки, ни его местопребывания. Но спрашивать не стал. Пошел дальше.

Четыре километра не такое большое расстояние. Тем более когда дождя нет, ветер не дует, погода прохладная.

Вскоре Удалов догнал молодую женщину с рюкзаком и чемоданом.

Женщина была одета в ватник и лыжные штаны. На ногах мужские башмаки, голова закутана серым платком.

– Помочь? – предложил Удалов, поравнявшись.

– Не надо, – ответила женщина, отворачиваясь.

Чем-то ее лицо Удалову было знакомо. Он пошел рядом, стараясь вспомнить.

– Чего смотрите? – спросила женщина, не глядя в его сторону. – Не признаете, что ли?

– Знакомое лицо, – сказал он. – Недавно видел. Вы простите, конечно, но одежда совсем у вас непривычная.

– Ну, Удалов! – рассмеялась тут женщина. – Ну, вы осторожный!

И по тому, как женщина произнесла слова, и как улыбнулась, и как блеснула стальная коронка в правом углу рта, Удалов признал Зиночку Сочкину – хохотушку, резвушку, директоршу музыкальной школы и активную общественницу. Еще вчера они бежали рядом в утреннем забеге и она требовала открыть класс арф. Но перемена, произошедшая с этой милой интеллигентной женщиной, была столь разительна, что ее не сразу узнал бы собственный отец. Лицо ее осунулось, обгорело под солнцем, покрылось сеточкой ранних морщин. Курчавые волосы были скрыты под платком, ресницы не окрашены, губы обкусаны. Да и взгляд пустой, без смелости и озорства.

– Нет, – сказал Удалов, – я честно не узнал, Зиночка. Я же тебя совсем другой знаю. Что с тобой произошло?

И тут же Удалов спохватился: «Ты не дома, Корнелий, ты в параллельном мире! И изменение в Зиночке – еще одно отличие мира тутошнего от нашего».

– Шутите? – спросила Зина, спрятав улыбку. – Вам легко шутить.

И так горько сказала, что Удалов понял: допустил нетактичность.

Но сейчас ему было не до дипломатии. Считай, что повезло, встретил знакомую, которая тебя узнала. Надо осторожно вытащить из нее информацию, так, чтобы не поставить под удар собственного двойника, который и не подозревает, что ты разгуливаешь по его Великому Гусярю.

– Откуда возвращаешься? – спросил Удалов. При этом он сделал еще одну попытку отобрать у молодой женщины чемодан.

Видно, от неожиданности она чемодан отпустила, но тут же спохватилась и стала тащить на себя. Чемодан был тяжелый, Удалов сопротивлялся и повторял:

– Я же только помочь хочу, понимаешь?

Но женщина упрямо продолжала тянуть чемодан, и тот не выдержал такой борьбы, раскрылся, и из него покатила по асфальту картошка – мокрая, грязная.

Женщина в ужасе отпрянула, закрыла глаза руками и зарыдала.

– Ты прости, я не знал, – сказал Удалов. – Я не хотел.

Он поставил открытый чемодан на дорогу и, нагнувшись, стал собирать в него картошку. Раздался скрип тормозов.

– Ты чего здесь расселся, мать твою так-перетак!

Удалов поднял голову.

Над ним стоял мотоцикл. В седле, упершись одной ногой в асфальт, сидел старый знакомый – сержант Пилипенко. Только он был при усах и в капитанских погонах.

– Ты что, не знаешь, какая это трасса?! Я тебя живо изолирую!

– Сема Пилипенко! – удивился Удалов. – Какая трасса?

– А, это ты, – сказал Пилипенко. Узнал все-таки. – Ты чего вырядился?..

А ничего странного на Удалове не было надето: модный плащ, сделанный в Гусяре кооперативной фабрикой «Мода Парижской коммуны», голландская шляпа, купленная в универмаге, и знаменитые армянские штиблеты – одежда как одежда.

– Что ты здесь делаешь? – спросил с подозрением бывший сержант, а ныне капитан Пилипенко.

– Видишь же, – ответил Удалов, – картошку рассыпал.

– Картошку? Откуда взял?

– Послушай, Пилипенко, что ты себе позволяешь? Я же тебя с детства знаю.

Удалов оглянулся в поисках Зины, но ее нигде не было, и потому он решил взять все на себя – хуже не будет.

– Моя картошка, – ответил Удалов, почти не колеблясь.

– Ты меня удивляешь, – сказал Пилипенко. – В твоём-то положении.

– А чем тебе не нравится мое положение?

– Шутишь?

– Не шучу – спрашиваю.

– Давай скорее собирай, чего дорогу занимаешь? – совсем осерчал Пилипенко.

Отталкиваясь правой ногой, он подкатил мотоцикл и стал подгонять носком сапога картофелины поближе к Удалову.

Вдали послышался тревожный вой.

– Долой! – взревел Пилипенко.

Удалов, так и не закрыв чемодана, оттащил его в сторону.

– Закрывай! – крикнул Пилипенко и нажал на газ.

Мотоцикл подпрыгнул и понесся вперед.

Удалов закрыл чемодан и распрямился.

Тут же из-за поворота вылетела черная «Волга» с двумя флажками, как у посольской машины, – справа государственный, слева с гусярским гербом: ладья под парусом, на корме сидит певец с гусями, а над мачтой медвежья нога под красной звездочкой.

В машине мелькнул чей-то знакомый профиль, на мгновение голова повернулась, и глаза уперлись в лицо Удалова. Удалов не успел угадать, кто же едет.

За первой машиной мчались еще две «Волги», серая и зеленая, потом жигуленок и напоследок – мотоциклист в милицейской форме.

Кортеж пролетел мимо и растворился, оставив газовый туман и ошметки пронзительных звуков.

Удалов обернулся к кустам у дороги, спросил:

– Зина, ты здесь?

– Я здесь, – послышалось в ответ. Сочкина выбралась из кустов. Она была бледной, даже руки тряслись.

– Кто это был? – спросил Удалов.

– Он, – ответила Зина, – с охоты возвращаются. Неужели не догадались?

– Я пошутил, – сказал Удалов.

– А мне было не до шуток. Думала, конец мне пришел.

– Да ты что? – удивился Удалов. – Что ты такого сделала, чтобы пугаться?

– А не понимаете?

– Ума не приложу.

– Корнелий Иванович, – произнесла с укором Зиновья. – Вы со мной в одном городе живете, ваша роль мне, к сожалению, известна. Мне одно непонятно: почему вы на себя мое преступление взяли, головой рискуете?

– Ничем я не рискую, – признался Удалов, – но многого не понимаю.

Он поднял чемодан и пошел по шоссе. Зина шла рядом.

– Я знаю, в чем дело, – сказала она. – В вас совесть проснулась. Мне Ксения говорила, что вы не такой подонок, как кажется. Я ей не поверила.

– Где же она тебе это говорила?

Тут Зина остановилась, поглядела на Удалова и проговорила загадочно:

– Там, где картошка растет. – И вдруг взъерилась: – Лицемер проклятый! Отдайте мне чемодан!

Удалов вернул чемодан.

– А теперь уходите, – велела Зина. – Я не знаю, может, у вас в душе и шевельнулось что-то, но, скорее всего, это страх перед расплатой. Прощайте. Я вас не видала, вы меня не видели. И в город я не ходила.

Удалову стало ясно, что вопросов далее лучше не задавать. Чего-то он не понимает, за что-то Зина его не любит. А ведь еще вчера у них были чудесные отношения. Правда, не здесь.

Зина свернула с шоссе на тропинку, а Удалов вошел в Великий Гусляр.

Начались одноэтажные домики окраины, спрятанные в облетающих садах, дальше – темная чаща городского парка. За ним дома повыше, колокольни и купола церквей. Издали похоже на родной город.

Вот и первая, куда как знакомая Удалову улица. В нее превращается, вливаясь в город, шоссе. Ленивая улица – так ее испокон веку кличут. Вряд ли потому, что на ней жили ленивцы или лентяи, – просто течет эта улица лениво, чуть изгибаясь, как речка.

На первом же заборе Удалов увидел свежую табличку. Белую, с черной строгой надписью: «Ул. Трудящаяся».

Еще одно различие, подумал Удалов. И внутренне согласился – пожалуй, давно пора переименовать, а то приезжают туристы, иностранные делегации, могут составить превратное представление о характере гусярцев. Надо будет и у себя поднять вопрос.

Поперек улицы висел широкий красный транспарант. На нем белыми буквами: «Превратим наш город в образцовый!»

Удалов и против такого призыва не возражал. К этому всегда надо стремиться.

Заборы были недавно покрашены, красиво, в зеленый цвет. Одинаково. И этому Удалов нашел объяснение: видно, бывают здесь с масляной краской перебои, а тут завезли зеленую, приятную для глаза, вот обыватели и покрасились. Мысль о том, что заборы покрашены, чтобы радовать глаз проезжающего после охоты начальства, ему и в голову не пришла.

Тротуаров нет – пыльные тропинки среди пыльных лопухов. «Тут у вас отставание, – подумал Удалов. – Мы это все в позапрошлом году замостили». Ему было интересно идти и сравнивать. Как на картинке, какие бывают в детских журналах: отыщите десять различий в двух одинаковых рисунках. Вот и ломаешь голову – на одной стул с длинной ножкой, а на второй с короткой, на одной три птицы летят, на второй – четыре.

На пересечении бывшей Ленивой улицы с Торговым переулком, который здесь, как установил Удалов, именовался проспектом Бескорыстия, стоял большой деревянный щит на ножках. Щит изображал девицу в народном костюме с громадным снопом, который она прижимала к груди как доброго молодца. Над ней надпись: «Завалим родную Гуслярщину хлебами!»

Удалов вздохнул: у этих оформителей порой не хватает образования. Они, конечно, хотели как лучше, но получилось неточно.

Здесь надо повернуть налево, вспомнил Удалов. Так короче выйти к Горной. Мимо рынка, задами артели инвалидов.

Он свернул в проход: сейчас перед ним откроется бурная, привычная глазу картина продовольственного рынка.

Удалов обрадовался, углядев дыру в рыночном заборе, точно такую же, как дома. Единственная разница – там дыра как дыра, а здесь над ней небольшая надпись: «Проход воспрещен».

Тут Удалов увидел, как из прохода вылезает парнишка с соломенным веником в руке. Лицо вроде знакомое. Парнишка даже кивнул Удалову, и Удалов ему кивнул.

Потом сообразил: вчера только его видел – длинноволосым рокером, – младший брат Гаврилова! Но этот парень был коротко подстрижен, почти под ноль, а вместо кожаной куртки серый пиджачок. Вот и не узнал сразу.

Осмелев, Удалов тоже преодолел дыру и оказался на рынке.

С первого же взгляда рынок поразил Удалова. Если где и чувствовалась разница с нашим Гусляром, так это на рынке.

На нашем рынке жизнь кипит. Ближе к дыре должны быть ряды картофельные, свекольные и капустные. Там картошка одна к одной, отборная, кочаны крепкие, белые. Дальше ряд фруктовый. Там свои яблоки да груши, персики да хурма из экспериментального тепличного хозяйства, поздняя малина и банки с вареньями, соленьями, маринадами. Тут и гости с юга: узбеки с виноградом «дамские пальчики», грузины с сухим вином и мандаринами, армяне с персиками славной формы и вкуса, индусы с кокосовыми орехами и плодами манго, китайцы... нет, китайцы большей частью в мясном павильоне. Там они торгуют пекинскими утками, мясом трепангов и особенной кисло-сладкой свининой. Рядом с датчанами – те привозят на гуслярский рынок лучшее в мире масло, да с исландцами – кто лучше их засолит селедочку?

Эти мысли пронесли в голове Удалова, вызвав обычный образ обычного гуслярского рынка, и даже вызвали слюноотделение. Но параллельная действительность предстала совсем иной.

Картофельный и свекольный ряды были пусты, если не считать одной женщины, что торговала семечками.

Удалов подошел к ней, спросил:

– Попробовать можно?

Та пожала плечами.

Удалов взял семечко – было оно горелым и пересушенным.

– Плохо, – сказал он.

– Скажи спасибо, что такое есть.

Удалов направился мимо пустых прилавков, где не видно было ни кокосов, ни яблок, к мясному павильону, но увидел над ним яркий плакат: «Выставка-продажа веников».

И в самом деле – внутри торговали вениками, шибко торговали, люди в очереди стояли. А мяса не было и в помине.

«В неудачный день я попал», – подумал Удалов. Он взглянул на прилавки, где обычно продавали молоко, сметану и творог.

Там стоял один мужик мрачного вида, перед ним банки.

– Что есть? – спросил Удалов, полагая, что масло и сметана таятся под прилавком.

– Как что? – удивился мужик. – Не видишь, что ли? Банки.

– Пустые?

– А тебе полные, что ли, подавай?

– Понял, – сказал Удалов и пошел дальше.

Присмотрелся к очереди за вениками, нашел в ней знакомые лица. Даже возникло желание – купить веник Ксюше. Правда, дома веник есть, но раз все стоят, очень хочется встать. Это атавизм, понял Удалов, преодолевая себя. Атавизм, оставшийся с тех времен, когда еще был дефицит. Это надо выдавливать из себя по капле – так, кажется, учил писатель Чехов.

Удалов ничего на рынке не приобрел. Но от этого проголодался. Вроде бы обедать рано, но когда видишь, что пищи вокруг нет, – начинает мучить голод. Удалов не стал заходить в музей рынка, что стоял на месте кооператива «Розы и гвоздики», а поспешил к выходу. Там, направо от входа, есть столовая «Пышка», славная столовая, сытная, недорогая, кооператив на семейном подряде Муссалимовых.

У входа Удалов нагнал знакомого провизора Савича.

Савич нес два веника.

– Никита! – позвал Удалов. – Ты почему не на службе?

Это он так сказал, в шутку.

– Что? – Савич испуганно оглянулся. – Я имею бюллетень! – Но тут узнал Удалова и оттаял. – Чего пугаешь? Так и до инфаркта довести недолго. Я уж решил, что дружинник.

Лицо Савича было потное, мучнистого цвета. Свободной рукой он стянул на лицо шляпу и начал вытирать ею лоб и щеки.

– Прости, – сказал Удалов. – Я и не подумал, что тебя испугаю. Вижу – ты, вот, думаю, хорошо, родную душу встретил. Ты веники покупал?

– Вот, выкинули.

– Хорошие веники, – вежливо согласился Удалов. – А как вообще жизнь?

– Ты же знаешь, что жизнь отличная, лучшая жизнь, – произнес Савич странным, срывающимся голосом.

– Это правильно, – сказал Удалов. – В утренних забегах участвуешь?

– Ты что имеешь в виду? – насторожился Савич.

Они уже вышли с рынка и остановились.

– Так, к слову пришлось. – Удалов понял, что опять проговорился.

– Корнелий Иванович, – сказал вдруг Савич, – тебе направо, мне налево. Нехорошо, если нас вместе увидят.

– Чего в этом плохого?

– Не хочешь, как хочешь, – согласился Савич уныло. – Только учти – у меня бюллетень. Всё по закону. И за Ванду я не обижаюсь.

– А что с Вандой? – спросил Удалов.

– С Вандой? Ты еще спрашиваешь? – Лицо Савича было трагическое, вот-вот заплачет.

– Ну, привет ей передавай, – сказал Удалов. Пора прощаться, пока не наговорил еще чего лишнего.

– Ей? Привет? От тебя?

Савич повернулся и побежал прочь, волоча за собой два веника как ненужный букет.

Надо срочно поговорить с самим собой, решил Удалов. Без этого тайны только накапливаются.

Поэтому он повернул направо. В сторону Пушкинской улицы.

Прошел под плакатом, натянутым над улицей: «Хозяйство должно быть хозяйственным!» Не понял его, посмотрел направо, где должен был стоять кооператив «Пышка». Кооператива там не было. На месте вывески скромная надпись: «Прокат флагов и лозунгов».

Прохожих на улице было немного, некоторые лица знакомые, с ними Удалов по инерции раскланивался. Люди кланялись в ответ, но кое-кто при виде его прятал глаза и спешил мимо с опущенной головой.

«Тут должен быть гастроном, – сказал себе Удалов. – Зайду куплю своему двойнику что-нибудь. Ведь неудобно в гости сваливаться без подарка. Икорки возьму, шампанского – впрочем, неизвестно, что здесь есть, чего нет. Возьму что есть».

Витрина гастронома обрадовала Удалова. Наконец-то все вернулось на свои места. Она почти такая же, как в родном Гусляре. Грудой лежит посреди витрины бычья туша, по бокам поленицами разные колбасы, за колбасами разделанная осетрина и лососина. Именно лососина Удалова и обрадовала, потому что такой розовой и крупной он давно не видел. Значит, с рынком ложная тревога – второй Гусляр кое в чем нас даже обогнал. Удалов вошел в магазин и удивился его пустынности. Смотри-ка, сказал он себе: свято здесь соблюдают рабочее время. Даже домашние хозяйки по магазинам в рабочее время не ходят. А может быть, здесь разработана всеобщая система доставки товаров на дом?

Удалов подошел к рыбному отделу. Но на прилавке не обнаружил ни лососины, ни осетрины. Даже шпротов не было.

– Девушка! – позвал он продавщицу, что вязала в углу.

– Чего? – спросила она, поднимая голову.

Господи, понял Удалов, это же Ванда Казимировна, жена Савича, директор универмага.

– Вандочка! – воскликнул Удалов в большой радости. – Ты что здесь делаешь?

– Корнелий? – Ванда отложила вязание. И замолчала, глядя враждебными глазами.

– У тебя неприятности? – спросил Удалов. – Я сейчас Никиту встретил на рынке, он веники покупал. Я его про тебя спросил, а он мне ничего не рассказал.

– И что же прикажете рассказывать? – спросила Ванда.

Она осунулась, выглядела лет на десять старше, глаза тусклые.

Удалов осознал: беда. Каждый торговый работник живет под угрозой ревизии. У нас в Гусляре милиции и общественности пришлось потрудиться, прежде чем всех торговых жуликов разогнали. Но Ванда! Ванда всегда честной была! Ее универмаг первое место в области занял! И хор продавщиц в Москву выезжал!

Здесьняя Ванда была совсем другой. Может, согрешила? Человек слаб.

– Чего вам надо, Корнелий Иванович? – спросила Ванда.

– Я там на витрине лососину видел, – сказал Удалов. – Ты мне не свешаешь граммов триста?

– Что? – тихо проговорила Ванда. Так, словно Удалов сказал неприличное слово, к которому она не была приучена.

– Граммов триста, не больше.

– И может, еще осетрины захотел, провокатор? – произнесла Ванда угрожающе.

– Кончилась, да? – спросил Удалов миролюбиво. – Если кончилась, я понимаю. Но ты мне можешь и с витрины снять.

– Слушай, а пошел ты... – И тут Ванда произнесла такую фразу, что не только сама знать ее не могла, но и Удалов лишь подозревал, что люди умеют так ругаться. – Мне терять нечего! Так что можешь принимать меры, жаловаться, уничтожать. Не запугаешь!

– Ванда, Вандочка, но я-то при чем? – лепетал Удалов. – Я шел, вижу, продукты на витрине лежат.

– Какие продукты? Картонные продукты лежат, из папье-маше продукты лежат, на случай иностранной делегации или областной комиссии.

Тут Ванда зарыдала и убежала в подсобку.

Удалов стоял в растерянности.

Вокруг было тихо. И тут до Удалова дошло, что немногочисленные посетители магазина, стоявшие в очереди в бакалейный отдел за кофейным напитком «Овсяный крепкий», обернулись в его сторону. Смотрели на него и продавцы. Все молчали.

– Простите, – сказал Удалов. – Я не знал.

И он вышел из магазина.

С улицы он еще раз посмотрел на витрину. И понял, что только наивный взор человека, привыкшего к продуктовому изобилию, – скажем, взор бельгийского туриста или жителя нашего, настоящего Гусяра, – мог принять этот муляж за настоящую лососину.

«Ой, неладно, – подумал Удалов. – Пожалуй, хватит гулять по городу. Скорей бы добраться до дому и все узнать у себя самого».

Изнутри к стеклу витрины прижались лица покупателей и продавцов – все смотрели на Удалова. Как голодные рыбки из аквариума.

Удалов поспешил домой.

Правда, ушел он недалеко. Дорогу ему преградила длинная колонна школьников. Они шли по двое, в ногу, впереди учительница и сзади учительница. Школьники несли флажки и маленькие лопатки.

Они хором пели:

Наш родной счастливый дом
Воздвигается трудом,
Чем склонения зубрить,
Лучше сваю в землю вбить.
Левой – правой, левой – правой!
География – отравы,
Все науки – ерунда
Без созидательного труда.

Учительница подняла руку. Дети перестали петь и приоткрыли роты.

– Безродному Чебурашке! – закричала она.

– Позор, позор, позор! – со страстью закричали детишки.

– Тунеядца Карлсона! – закричала вторая учительница, что шла сзади.

– Долой, долой, долой! – вопили дети.

Движение колонны возобновилось, и Удалов пошел сзади, размышляя над словами детей.

Но ему недолго пришлось сопровождать эту охваченную энтузиазмом колонну. Дети вышли на площадь. На такую знакомую площадь, ограниченную с одной стороны торговыми рядами, с другой – Городским домом. Там должен возвышаться памятник землепроходцам, ушедшим с незапамятных времен из Великого Гусляра, чтобы открывать Чукотку, Камчатку и Калифорнию. Тут Удалова ждало потрясение. Статуи – коллективного портрета землепроходцев, сгрудившихся на носу стилизованной ладьи, – не было. Остался только постамент в виде ладьи. А из ладьи вырастали громадные бетонные ноги в брюках. Ноги сходились на высоте трехэтажного дома. Дальше монумент еще не был возведен – наверху сустились бетонщики.

Площадь вокруг монумента была перекопана. Бульдозеры разравнивали землю, экскаваторы рыли траншеи, множество людей трудилось, разгружая саженцы и внедряя их в специальные ямы. Школьников, с песней вышедших на площадь, сразу погнали в сторону, где создавались клумбы. И школьники, достав лопаточки, принялись вскапывать почву.

На балконе Гордома сгрудился духовой оркестр и оглашал окрестности веселыми маршевыми звуками.

Удалов стоял как прикованный к месту и лихорадочно рассуждал: кто из великих людей проживал в Гусляре или хотя бы бывал здесь проездом? Пушкин? Не было здесь Пушкина. Толстой? А может, Ломоносов на пути из Холмогор? Но зачем для этого свергать землепроходцев?

Тут Удалов узнал бульдозериста. Это был Эдик из его стройконторы.

Удалов подошел к бульдозеру, понимая, что вопрос следует задавать не в лоб, осторожно.

Бульдозерист Эдик тоже увидел своего начальника и удивился:

– Корнелий Иваныч, почему не в спецбуфете?

По крайней мере, Эдик на Удалова не сердился.

– Расхотелось, – ответил Удалов. – Как дела продвигаются?

– С опережением, – сказал бульдозерист. – Взятые обязательства перевыполним! Сделаем монумент на три метра выше проекта!

– Сделаем, – согласился Удалов, понимая, что к разгадке монумента не приблизился. Конечно, надо уходить, не маячить же на площади. Но любопытство – страшный порок. – Внушительно получилось, правда? – спросил он.

– Чего внушительно?

– Фигура внушительная.

– Вам лучше знать, Корнелий Иванович, – ответил бульдозерист.

– Крупная личность? Большой ученый?

– Это вам виднее, – неуверенно ответил бульдозерист.

Значит, не ученый. Или писатель, или политический деятель.

– А когда он умер, не помнишь? – спросил Удалов, показывая на памятник.

Взгляд бульдозериста был дикий. Видно, Удалов сморозил глупость. И дата смерти человека, нижняя половина которого уже стояла на площади, была известна каждому ребенку.

– Нет, ты не думай, – поспешил Удалов исправить положение. – Я знаю, когда он умер. Просто тебя проверить хотел.

– Проверил?

Но тут бульдозер начал медленно разворачиваться ножом на Удалова. В движении была какая-то угроза.

– Если бы не очередь на квартиру, – сказал без улыбки Эдик, – я бы иначе с тобой поговорил.

– Всё! – закричал Удалов. – Ухожу. Я пошутил.

Он быстро пошел в сторону, стараясь не попасть под лопату бульдозера, и чуть не наступил на девчушку, которая ручками размельчала комья земли на будущей клумбе.

– Девочка, девочка, как тебя зовут? – спросил Удалов.

– Ниночка, – ответила девочка.

– Молодец, а ты в садик ходишь?

– В садик, – сказала девочка. – А ты кто?

– А я на работу хожу, – признался Удалов. – Скажи, крошка, это какому дяде памятник делают?

– Хорошему дяде, – ответила девочка уверенно.

– Он книжки пишет? – спросил Удалов.

– Книжки пишет, – подтвердила девочка.

– Он с бородой?

– С бородой, – сказала девочка покорно.

– Это дядя Толстой? – догадался Удалов.

– Ой! – воскликнула девочка, дивясь такой догадливости Удалова.

Она вскочила и побежала к воспитательнице, которая в окружении других малышей высаживала в землю кусты роз.

– Марья Пална! – закричала девочка. – Марья Пална! А этот дядя говорит, что наш памятник толстый!

– Гражданин! – Воспитательница оказалась красивой женщиной ниже среднего роста. – Вы что здесь делаете?

– Не обращайтесь внимания, – сказал Удалов. – Я обедать иду. Хотел девчужке помочь – пускай воспитывается. А она у вас молодчина. Знает, что памятник Толстому возводится.

– Что? – Женщина дернула девочку к себе, чтобы добрая рука Удалова не успела опуститься на ее головку. – Уйдите! Не травмируйте ребенка! Я буду жаловаться!

На крик стали оборачиваться люди, и Удалов быстрыми шагами пошел к пьедесталу. Сзади был шум, какие-то объяснения, вроде бы готовилась погоня.

Он обогнул пьедестал и увидел, что там лежит отдельно громадная бетонная рука с зажатым в ней портфелем, другая рука с раскрытыми пальцами, куски бюста, но главное, под большим брезентом – голова. Шар в рост человека.

Ноги сами понесли Удалова посмотреть на голову. Хоть и призналась девочка, что памятник будет Толстому, все равно хотелось проверить.

Удалов деловито подошел к голове, протянул руку, приподнял край тяжелого брезента, но увидел только ухо. И в этот момент сзади раздался пронзительный свист, к нему бежал милиционер, за ним – другие люди и дети.

Удалов понял: дело плохо. Он кинулся бежать с площади.

Но далеко не убежал – с другой стороны уже ехала «скорая помощь». Она затормозила у раскопанной траншеи, из машины выскочили санитары с носилками и также кинулись к Удалову. Удалов, как заяц, метался по полю, перепрыгивая через ямы, но кольцо преследователей все сужалось.

Удалова поймали бы, если бы не неожиданное отвлечение.

Внезапно воздух потемнел, на город напозла черная туча.

– Красная игрушка! – раздался крики в толпе. – Красная игрушка!

И тут же люди побежали прочь, ища укрытия, подхватывая на пути детишек.

Через полминуты Удалов остался один посреди площади.

Гроза идет, понял он и, благодаря природу за своевременное вмешательство, поспешил к торговым рядам, чтобы укрыться там. Но далеко отойти не успел, потому что все время оглядывался.

И с неба сорвались первые капли влаги.

Капли были черными, едкими, они жгли лицо и проникали сквозь одежду. Удалов побежал быстрее, но дождь становился все гуще. К тому времени, когда Удалов добежал до какого-то пустого подъезда, все тело горело от ожогов, а одежда начала расплзаться и слезать с тела.

«Черт знает что, – рассердился Удалов. – Знал бы, никогда бы не согласился на такое путешествие. Вечно этот Минц с его открытиями!» Но внутренний голос поправил Удалова. «Корнелий, – сказал он, – тебя никто не заставлял бегать по площадям и задавать вопросы. Пошел бы прямо на Пушкинскую, уже, наверное, возвратился бы домой с формулами в руках. Сам виноват».

Удалов согласился с внутренним голосом, хотя ему было жалко костюма, плаща и шляпы, не говоря уж о ботинках.

Кислотный дождь прекратился, но туча еще висела над городом, и улицы были пустынными. Удалов побежал домой.

Бежал он с трудом. Тротуары были скользкими и черными от зловонной жижи, плащ расплзся, костюм держался еле-еле, у правого ботинка отклеилась подошва, а брюки пришлось поддерживать руками.

В таком плачевном виде Удалов пробежал по Пушкинской, влетел в ворота своего дома и сразу нырнул в подъезд.

Вот и родная лестница, вот и привычная дверь. Удалов нажал на кнопку и услышал столь знакомый звон, прозвучавший в квартире.

Дверь открылась далеко не сразу.

В дверях стояла чем-то знакомая молодая блондинка. Приятной внешности, в цветастом халатике, натянувшемся на высокой груди.

– Корнелий! – воскликнула молодая женщина. – Как же ты не уберегся!

– Я... понимаете... понимаешь. – Тут Удалов совсем смешался, потому что ожидал встретить совсем другую женщину. Бывает, смотришь на человека и понимаешь: где-то ты его видел – или в детском саду с ним состоял, или в школу ходил, или в Ялте отдыхал. Но кто она? Кто она? Почему она здесь? Где Ксюша?

– Тебе лучше не заходить, – сказала молодая женщина, загораживая проход. – Сначала погуляй, обсохни.

– Я с тобой не согласен, – возразил Удалов. У него зуб на зуб не попадал.

– Только в комнаты не заходи. – Женщина отступила, не скрывая отвращения от запаха и вида Удалова. – Все здесь сбрасывай – и сразу в ванную!

Перед Удаловым стояла трудная проблема. Ему предлагали раздеться догола, полагая, что он не тот Удалов. Причем ладно бы предлагала Ксюша – перед Ксюшей, даже чужой, можно было не стесняться. Но с этой молодой красоткой... как при ней разденешься?

– Ты что? – спросила молодая женщина. – Оробел, что ли, мой орел общипанный?

– Знаешь, – сказал Удалов, – я лучше так в ванную пройду. Там я разденусь.

– Чтобы всю ванную провонял? У меня там импортные шампуни стоят.

В голосе молодой женщины послышались пронзительные нотки, и этим она напомнила Удалову Ксению. Но только напомнила. Была она лет на двадцать моложе его жены, глаза намазаны, щеки подрумянены, во взгляде поволока.

Удалов, возя ногой по ноге, стянул с себя распадающиеся ботинки, с ними сошли и носки. Потом все же двинулся к двери в комнату.

– Стой! – Молодая женщина загродила руками проход. – Убью!

Халат ее распахнулся, обнаружив кружевное нижнее белье, но это совсем не смутило красотку.

Тогда Удалов, понимая, что выхода нет, начал стаскивать с себя остатки костюма, делая это очень медленно, оттягивая время в надежде, что другой Удалов придет и освободит его

от позорного действия, и в то же время опасаясь, что другой Удалов может его неправильно понять.

– Ты чего домой пришел? – спросила тем временем красotka.

– Я... я обедать пришел, – вспомнил Удалов.

– Обедать? Домой? Ты же в спецбуфете обедаешь! Откуда у меня для тебя обед?

Костюм упал на пол, Удалов остался в трусах и майке – хорошо, что они не расползлись от кислотного дождя. Но были ветхими, ненадежными. Приходилось поддерживать трусы руками.

Удалов готов был сгореть от стыда, но понимал: если он сейчас признается, что он не настоящий Удалов, может произойти трагедия.

От страха и полной растерянности Удалов стал агрессивным. Ну что за отношение к нему в собственном доме? Куда-то дели родную жену и еще приказывают!

– Дай мне халат какой-нибудь, – сказал Удалов.

– Вымоешься, получишь халат, – ответила молодая женщина.

«А вдруг это моя новая жена? – подумал Удалов. – Все в этом мире так же, как в нашем, только жена у меня не Ксения, а молодая и красивая».

И как только он об этом подумал, он поглядел на женщину совсем другими, можно сказать, хозяйскими глазами. Но в то же время что-то смущало, и было неловко перед Ксенией.

– Дай халат, – повторил он, делая еще один шаг вперед.

Женщина отступила, но не столько от страха перед Удаловым, сколько от нежелания об него испачкаться.

Прихожая в доме Удаловых невелика, так что в три шага Удалов достиг входа в комнату и повторил еще громче и смелее:

– Дай халат!

Тут произошло совсем уж странное событие – его халат возник в приоткрытой двери. Он двигался по воздуху, потому что его держала обнаженная мужская рука.

Удалов принял из мужской руки халат и увидел в щели главного архитектора города Оболенского, можно сказать, в одних кальсонах.

– Это что? – спросил Удалов, полностью переключаясь на роль своего двойника.

– А что? – спросила молодая женщина, стараясь закрыть спиной дверь.

«Может, не жена? – подумал Удалов. – Я тут бушую, а она, может, и не жена, а вовсе жена архитектора Оболенского?»

– Что Оболенский там делает? – спросил Удалов.

– Оболенский? – удивилась молодая женщина. – Какой такой Оболенский?

– Архитектор! – воскликнул Удалов и, отодвинув женщину, распахнул дверь в комнату. В окне мелькнула темная тень, послышался треск ветвей и глухой удар о землю.

Удалов кинулся к окну.

Оболенский с трудом поднялся с земли и, прихрамывая, заковылял к воротам. Он был полураздет, под мышкой нес недостающую одежду.

– Эй! – крикнул ему Удалов. – Стой! Поговорить надо.

Но архитектор Оболенский даже не обернулся.

Тогда Удалов обернулся к молодой женщине.

– Попрошу объяснения, – сказал он.

– Объяснения? – Женщина была возмущена. – Кто ты такой, чтобы давать тебе объяснения?!

– А вот такой! – ответил Удалов, потому что не знал, кто он такой.

– Человек в гости пришел, чаю попить.

Видно, не хватало наглости у молодой женщины – в голосе прозвучала попытка оправдаться.

– Чаю попить?! – закричал Удалов. – Чаю попить в халате?

– А у него горячей воды нет, – ответила женщина, отступая перед яростью Удалова. – Воды нет, вот и пришел ванну принять. И в конце концов – какое твое дело?

– Какое мое дело? – Удалов понял, что открылась возможность выяснить, кем ему приходится эта женщина. – Ты мне жена или не жена?

– Ну жена, – ответила женщина. – Ну и что?

– А то, что таких жен душат на месте!

– А ты придуши, придуши, Отелло! Посмотрим, какой ты завтра будешь!

– А мне плевать, какой я буду завтра! – зарычал Удалов и, подняв растопыренные руки, пошел на молодую жену.

Молодая жена отступала в комнату, нагло хихикая и покачивая бедрами. И по этим бедрам Удалов узнал непутевую Римку, что заигрывала с ним на улице. Может показаться невероятным, что Удалов не сразу узнал ее, увидев дома. Но встаньте на его место – придите домой, найдите там молодую малознакомую соседку, облаченную в халат вашей жены, еще посмотрим, сразу ли вы ее узнаете.

Тут Римма завопила, словно он ее уже начал душить.

Бешеными глазами она уставилась за спину Удалова.

А от двери послышался удивленный голос:

– Что такое?

Рот Риммы раскрылся, глаза закатились, и она медленно опустилась на пол.

Удалов тоже оглянулся и увидел, что в дверях стоит он сам собственной персоной. Только в плаще, костюме и кепке, надвинутой на уши.

– Ты кто такой? – грозно спросил пришедший Удалов.

– Стой, стой, стой! – закричал первый Удалов. – Все в порядке! Все путем. Навожу порядок в нашей семье.

Но тут пришедший Удалов узнал первого Удалова.

Он, конечно, не поверил собственным глазам, потому что зажмурился и долго не разожмурился.

А молодая жена лежала на ковре у его ног и почти не дышала.

– Слушай меня внимательно! – быстро сказал первый Удалов своему двойнику. Говорил он напористо, чтобы не дать двойнику опомниться. – Я – это ты, тут никакой мистики, одна наука. Все объясню потом. Возьми себя в руки, Корнелий.

– А она? – спросил, не разожмуриваясь, двойник.

– Римма пускай полежит в обмороке, – сказал Удалов. – Ничего не случится. Есть дела более важные.

– Вот это ты брось! – Двойник открыл глаза. Характер у него был удаловский, упрямый.

Он резким движением сбросил плащ, присел на корточки возле молодой женщины и взял ее пальцами за кисть руки. Слушал пульс.

– Ну что я тебе говорил? – спросил Удалов. – Нормальный пульс?

– Пульс слабый, – ответил двойник.

– Давай ее на диван положим, – предложил Удалов.

– Я сам, – сказал двойник. – Ты же грязный.

Он поднатужился, поднял крепкое молодое тело и дотащил его до дивана. Молодая жена не проявляла признаков жизни.

Сделав это, двойник обратился к Удалову:

– Ты чего здесь в одних трусах делаешь?

В голосе его прозвучала ревность.

– Не по адресу обращаешься, – ответил Удалов. – Ты не меня подозревай, а того, кто через окно сбежал.

– Через окно? – Двойник бросился к окну.

– Нет его там, – сообщил Удалов.
– А кто был?
– Кто? Сам небось знаешь.
– Честное слово, не знаю, – ответил двойник.
– Архитектор Оболенский.
– Так я и знал! – сказал двойник. – Козел старый!
– А ты чего хотел? – вскинулся Удалов. – Если старую жену на молодую поменял, учитывай риск. Сам небось не Аполлон.
– Да помолчи ты! – огрызнулся двойник.

Он смотрел на свою молодую жену со странным чувством, которого Удалов разгадать не смог.

– Она думала, что ты обедать будешь в буфете, – добавил Удалов.
– Буфет кислотным дождем затопило. Сквозь крышу просочилось. Даже Сам без обеда остался, – ответил двойник. – А ты откуда?
– Знаешь что, – сказал Удалов, – можно, я помоюсь сначала?
– У тебя что, дома своего нет? – спросил двойник.
– Есть, но далеко, в трусах не добежать. А мне с тобой поговорить нужно.
– О чем? – Видно, двойник все еще был в шоке.
– Пойдешь со мной, – сказал Удалов. – Побудешь со мной в ванной, пока я буду мыться.
– Не хочу. Мне на совещание надо.
– Корнелий, не спорь – разговор у нас секретный. А секретные разговоры лучше вести в ванной, когда там вода течет и никто подслушать не может.

Удалов решительно пошел в ванную, двойник колебался. Молодая неверная жена лежала без чувств, неизвестно было, то ли ее жалеть, то ли убить.

Для начала он накрыл ее пледом, потом все же пошел в ванную.

Удалов включил газовую колонку, разделся. Двойника он не стеснялся. Двойник с удивлением смотрел на большую родинку под правым плечом. Понятно почему – наверняка у него такая же.

– Потерпи, – сказал Удалов двойнику. – Сначала ополоснусь.
– А ты Оболенского точно видел? – спросил двойник.
– Точно, – ответил Удалов. Щадить двойника он не хотел.
– Этого не может быть, – усомнился двойник. – Она меня любит.
– Дверь закрой на крючок, – сказал Удалов. – Чтобы Римма случайно не заглянула.
– Объясни, прошу, что это значит? – взмолился двойник.
– Всё в свое время, – ответил Удалов, садясь на край ванны и указывая двойнику на табуретку.

Теперь они могли говорить, сблизив головы. Головы отражались в зеркале – это было видно обоим, и оба этому дивились.

«Ох и молодец Минц, – думал Удалов. – Вот гений человечества!»

«Что творится, – думал второй Удалов. – Неужели я сплю? Или это вражеская провокация?»

Но когда он попытался ущипнуть себя, Удалов сказал ему:

– Не старайся, все это объективная реальность. Я твой двойник из параллельного мира.
– Ага, – согласился двойник, но вроде бы не понял.
– Где Ксения? – спросил Удалов.
– Развод, – ответил двойник.
– А я в нашем мире с ней живу. И разводиться не собираюсь.
– Долг выше привычки, – сказал двойник.

– Ты меня удивил. Я, конечно, понимаю, что наша Ксения не подарок. Но когда четверть века отбарабанили вместе. А где Максимка?

– С ней, – кратко ответил двойник. Говорить ему об этом не хотелось.

«Ну ладно, – решил Удалов, – мы еще вернемся к этой проблеме».

– А новая, Римма? – спросил он. – Как она тебя подцепила?

– Она секретаршей была. У Самого. А когда я развелся, он мне ее рекомендовал.

– Кто, Белосельский?

– Белосельский?

– Ты что, Колю Белосельского не знаешь? Мы же с ним в одном классе учились. Он у нас предгор!

– Не знаю, – сказал двойник, косясь на дверь. – Тебе уходить пора.

– Что-то у вас здесь неладно, – определил Удалов. – Я, когда сюда приехал, думал, что все как у нас. А вижу, что у вас не параллельный мир, а в некотором смысле... перпендикулярный.

– Какой еще мир? Что ты городишь?

– Ты о параллельных мирах разве не слыхал? Известная теория. Наш профессор Минц ее разработал и отправил меня к вам, чтобы одно дельце решить. Ты что отворачиваешься?

– Не знаю никакого профессора Минца, – ответил ему двойник.

– Вот это ты брось, – сказал Удалов. – Этот номер у тебя не пройдет. Сейчас пойду к Минцу, он мне все объяснит.

– Не ходи.

– Почему?

– Нет там Минца.

– Как так нет Минца?

– Нет, и с концами.

– А где же он?

– Где положено.

– Мне трудно поверить глазам, – сказал Удалов. – Ты – это я. И в то же время ты – это не я. Как это могло произойти? У нас и мама с папой одинаковые, и в школы мы ходили одинаково. И характер должен быть одинаковый.

– Я не хочу тебя слушать.

– Почему?

– Потому что надо разобраться, на чью мельницу ты льешь воду.

– Ну ваще! – возмутился Удалов. – Сейчас же говори, что произошло в Гусяре, что за катаклизмы такие? И почему ты изменился? То-то я чувствую – Ванда на меня волком смотрела. И Савич. Они не на меня волком смотрели – они на тебя волком смотрели.

– Открой! – раздался голос за дверью. – Открой, мне надо!

Голос принадлежал Римме-секретарше.

– Подожди, кисочка! – испугался двойник. – Подожди, я к тебе выйду.

– Открой, тебе говорят! – воскликнула Римма.

– Что будет, что будет? – Двойник стал крутить головой, искать, куда бы спрятать Удалова.

Над их головами было небольшое окошко – оно вело на черную лестницу.

– Лезь туда! – шепотом приказал двойник.

– Не полезу!

– Лезь, ты погубить меня хочешь?

Дверь зашаталась – видно, Римма пыталась ее сломать.

– Открой, мерзавец! – вопила она. – Довел меня до инфаркта, это тебе даром не пройдет!

Двойник буквально на руках поднял Удалова, стараясь выпихнуть его через окошечко, но пролезла только голова. Двойник был в такой панике, что не понимал этого, а только шипел:

– Ну же! Скорей! Скорей!

Тут дверь все же распахнулась – не выдержал крючок, и Римма увидела, как ее муж пытается себя же, только совершенно голого, поднять на руках, как Атлант Землю.

От неожиданности двойник выпустил Удалова, тот упал в ванну, двойник – на него, а Римма завопила как зарезанная и выпала из ванной на спину – снова в обморок.

Удалов поднялся, скользя по мокрой ванне, потер ушибленный бок и помог выбраться из ванны своему обалдевшему двойнику.

Тот лишь вздыхал, охал и не мог сказать ни слова.

И тут со двора послышался резкий звук сирены.

– Меня, – сказал двойник, глядя на распростертое тело жены. – Вызывают. Уже актив начинается, а я здесь. – И в голосе его была полная безнадежность.

Со двора снова донесся звук сирены.

– А ты пойдешь, – посоветовал Удалов. – Скажи, что не можешь, жена заболела.

– Да ты что? – удивился двойник. – Меня же вызывают! Я опоздал!

– Ну тогда я скажу, – заявил Удалов.

Двойник повис на нем, как мать, которая не пускает сына на фронт. Волоча двойника на себе, Удалов дошел до середины комнаты, но тут вспомнил о своем внешнем виде и, сбросив двойника, завернулся в штору – только голова наружу. Высунулся в окно.

Под окном стоял мотоцикл с коляской. В нем капитан Пилипенко. Давил на сигнал.

– Ты чего? – спросил Удалов. – Весь дом перепугаешь.

– Удалов! – ответил Пилипенко. – Личное приказание – тебя на ковер. Садись в коляску!

– Я не могу, я из ванны! – ответил Удалов. Он почувствовал, что сзади шевелится, вот-вот вылезет на свет двойник, и, не оборачиваясь, оттолкнул его подальше, а сам, сбросив штору, предстал перед капитаном в полной наготе. – Видишь?

– Мне плевать, – ответил Пилипенко. – Если сам не спустишься, под конвоем поведу.

Тут, видно, нервы у двойника не выдержали, потому что за спиной Удалова раздался крик:

– Иду, спешу! Сейчас!

И послышался топот.

Удалов понял, что в таком состоянии его двойник не боец. Нет, не боец. Он догнал его у дверей ванной, где двойник замер над распростертым телом Риммы.

– Послушай, – сказал Удалов. – Давай рассуждать спокойно. Нельзя тебе в таком состоянии на актив. Отговорись чем-нибудь.

– Ты ничего не понимаешь! Дело идет о жизни и смерти!

Римма шевельнулась, попыталась открыть глаза.

– Сейчас она в себя придет, – предупредил Удалов. – Если ты ей не сможешь доказать...

– Она к нему побежит! Она меня погубит!

– Не рыдай, – сказал Удалов. – Есть выход. Я сейчас с Пилипенко поеду на этот самый актив. И отсижу там.

– Тебя узнают!

– Кто меня узнает? Я же – ты.

– Но тебе надо будет говорить, и они догадаются!

За окном снова взревела сирена.

– Я буду молчать. Не впервой отмалчиваться на совещаниях. Я привычный. У тебя специфических грехов нету?

– У меня вообще грехов нету!

Римма снова пошевелилась, и двойник вздрогнул.

– Улаживай свои семейные дела – и бегом на центральную площадь. Затаись там, за памятником. Я в перерыве к тебе выбегу, и ты меня заменишь. Ясно?

Двойник кивнул и лихорадочно прошептал:

– Только молчи! Кивай и молчи. Ты ничего не знаешь, а погубить меня – проще простого.

Удалов не стал тратить времени даром, кинулся в комнату, распахнул шкаф. Слава богу – шкаф на месте и вещи лежат как положено. Вытащил выходной костюм, тот, что Ксюша в Вологде покупала, начал было натягивать на голое тело, сообразил, вытащил белье – и с бельем в руке, как с белым флагом, выскочил к окну, помахав Пилипенко.

– Айн момент! – крикнул ему.

Сжимая галстук в кулаке, выбежал в коридор. Его двойник сидел на корточках перед своей молодой женой – ничего не сообщал.

Удалов повторил:

– За памятником! Черные очки надень, помнишь, где лежат?

И выбежал на лестницу.

Но не сразу вниз: метнулся по коридору до минцевской квартиры, хотел предупредить Минца, что скоро придет, потом остановился в изумлении: на месте замочной скважины – веревочка, на ней пластилиновая пломба – опечатана квартира. Значит, и в самом деле умер старик? Да какой он старик? Шестидесяти нет. Но что случилось? Сердце у Льва Христофоровича как мотор. Эх, зря связался со спасением двойника – скорее надо узнать, что произошло с профессором, ведь такая же опасность ему может грозить и в нашем мире. Не думаем мы о здоровье, а потом становится поздно.

С этой мыслью под вой сирены Пилипенко Удалов выбежал во двор, с ходу вскочил в коляску. Пилипенко лишь рывкнул: «Убью!» – и дал газу. Мотоцикл, как норовистый конь, выскочил на улицу.

С Пилипенко говорить невозможно: мотоцикл ревет, Пилипенко матерится, люди шарахаются с улицы.

В пять минут долетели до Гордома, Пилипенко затормозил так, что Удалов вылетел головой вперед из коляски, и его подхватил какой-то незнакомый молодой человек.

– Эх, Корнелий Иванович! – сказал он укоризненно, помогая Удалову подняться. – Ждут вас, серчают. – И он буквально поволок Удалова наверх по знакомой лестнице, к кабинету предгора.

Удалов старался на ходу завязать галстук.

В приемной было тесновато – три стола, за ними три секретарши. Все молодые, яркие, наглые, наманикюренные, перманентные, все похожи на Римму.

А у двери, обитой натуральной кожей, по обе стороны стояли два молодых спортсмена в серых костюмах, как часовые джинны из восточной сказки, но с красными повязками дружинников на рукавах.

Молодой человек подтолкнул Удалова.

Один из спортсменов быстро подтянул его к себе, второй провел ручищами по бокам.

– Ты чего? – удивился Удалов.

А спортсмены даже не стали отвечать, правда, может, и не умели. Молодой человек раскрыл дверь, и спортсмены втолкнули Удалова внутрь кабинета. Там сразу наступила тишина.

Знакомо, буквой Т, стояли полированные столы. За главным столом, на месте Белосельского, сидел Пупыкин.

Именно Пупыкин, никто другой.

Оттого, что он сидел, он казался крупнее, даже выше ростом. Но Удалову настоящий рост Пупыкина был известен.

Пупыкин здешний от нашего Пупыкина отличался разительно.

И не только потому, что отрастил усы и еще более облысел, и не только потому, что одет был в строгий черный костюм с красным галстуком, но взгляд – боже мой, у него же другой

взгляд! Разве такой человек смог бы участвовать в утренних забегах и пресмыкаться перед Удаловым? Разве такой Пупыкин мог бы таиться на краю общественности, измазанный зеленой, и ратовать за сохранение часовни Филиппа? Взгляд у Пупыкина был тигриный, тяжелый, из-под сведенных бровей.

Другой Пупыкин, куда добрее, с лукавой усмешкой глядел на Удалова с большой картины, что висела на стене, за живым Пупыкиным. На картине он принимал букет роз от девушки, в которой Удалов сразу узнал младшую дочку Пупыкина. На заднем плане толпились рукоплещущие зрители, среди них, как ни странно, и сам Удалов.

Тяжелым взглядом Пупыкин уперся в Удалова.

И все люди, что сидели за ножкой буквы Т, тоже уперлись в Удалова тяжелыми взглядами.

Встречаясь с этими взглядами, Удалов узнавал их обладателей, но порой с трудом.

Вот смотрит на него главстрой Слабенко. Ох и тяжел этот взгляд! Вот уставился, наглец какой, архитектор Оболенский. Забыл уже, как из окна выпадал? А это взгляд редактора Малюжкина. Тоже не без тяжести. Неужели и Малюжкин, радеть за гласность, так переменялся? Вот смотрит Финифлюкина, директорша музея, – куда делась приветливость во взоре? А старик Ложкин...

Удалов не успел рассмотреть остальных, как Пупыкин открыл рот, медленно открыл, с оттяжкой, показал неровные мелкие зубы и рявкнул:

– Садись, с тобой потом разберемся!

И тут же все отвернулись от Удалова. Будто его и не было.

Удалов нашел место с краю стола, сел, а Малюжкин, что был рядом, отодвинулся, скрипнув стулом. И наступила тишина.

– Нас прервали, – сказал Пупыкин. – Но мы продолжим.

И Удалов вздрогнул от угрозы в голосе Пупыкина.

– Продолжай, Мимеонов, – приказал Пупыкин.

– Спонтанный выброс в атмосферу незначительного количества загрязненного воздуха, – сказал, покорно поднявшись, Мимеонов, уже год как снятый с должности директора фабрики пластмассовых игрушек, потому что был ретроградом; он принялся перебирать бумажки, что держал в руках.

– А ты нам не по бумажке, – велел Пупыкин. – По бумажке каждый наврет, недорого возьмет. Бумажки ты для ревизии подготовь, а с нами, со своими товарищами, говори открытым текстом. Опозорился?

– Опозорился, – сказал Мимеонов, – но имею объективные причины. – Он все же развернул бумажку и быстро начал читать: – За прошедший год вверенная мне фабрика перевыполнила план на два и три десятых процента, выпустив для нужд населения изделий номер один – шестьсот двадцать пять, изделий номер два-бис – двести тридцать четыре, в том числе восемнадцать сверх плана. Изделий номер пять...

– Стой! – остановил Мимеонова Пупыкин.

– Расшифровать?

– Ты с ума сошел! Ты лучше расскажи, почему ты наш родной город чуть не погубил.

– А я неоднократно писал, говорил даже вам, Василий Парфеныч, – сгнили фильтры, кончились. Надо из Вологды специалистов звать, производство останавливать. Сами знаете.

– Какие будут предложения? – спросил Пупыкин.

– Я думаю, что сделаем фельетон, – предложил Малюжкин. – О некоторых хозяйственниках. Не пощадим.

– Хорошая мысль, – согласился Пупыкин. – Пускай народ знает, что мы ни одного отрицательного факта без внимания не оставим.

– А вдруг в области прочтут? – спросил Оболенский, нагло улыбаясь. – И комиссию к нам, а?

– А пускай прочтут. Нам гласность не страшна, – ответил Пупыкин твердо. – Пускай весь мир читает.

– И там тоже?! – выкрикнул старик Ложкин. – Империалисты тоже?

– Это ты, Ложкин, брось! – рассердился Пупыкин. – Тебя здесь как ветерана держат, а не как провокатора.

– У меня есть предложение, можно? – спросил Савульский. Его Удалов тоже знал, он работал санитарным главврачом.

– Говори. Только короче, надоел ты нам со своими речами, – поморщился Пупыкин.

– Я буду краток. – Савульский потер ладони. – Факт вопиющий. Он еще почему вопиющий – многие не ожидали, попали под дождик и потеряли одежду. А при том напряженном положении, которое существует в торговле...

– Савульский, я тебе сказал, – пригрозил Пупыкин, – не рассусоливай. Про положение в торговле я лучше тебя знаю и знаю, что оно улучшается, правда?

Пупыкин взглянул на начальника торгова, и тот сразу с места ответил:

– Принимаем меры!

– Видишь, человек меры принимает, а ты обезоруживаешь. Ты к делу. Но учти, если твое предложение будет неподходящим, головы тебе не сносить. Давно уже общественность тобой недовольна, плохо ты охраняешь нашу экологию. Так что на растерзание тебя можно в любой момент кинуть. Правда, Малюжкин?

Лицо редактора газеты озарила лукавая усмешка.

– Фельетон уже готов, – сообщил он. – Лежит у меня в столе.

Савульский побледнел и качнулся.

– Ничего, продолжай. Что ты нам хотел сказать?

– Вы бы провели анализы, – сказал Савульский глухо, будто набрал полон рот картошки. – И выяснили, что выброса с завода детской игрушки не было.

– Вот это да! – Даже Пупыкин удивился. – А что же было?

– А была туча неизвестного происхождения, которая прорвалась в наше родное небо из-за пределов района.

– А что, идея! – сказал Пупыкин.

– Можно поправку? – вмешалась директорша музея.

– Только по делу.

– Мне кажется, что туча могла прийти и из-за пределов нашей области.

– Слушай, а что, если... – Голос Пупыкина замер.

И тут Удалова черт дернул за язык.

– Я думаю, – сказал он, – что этот дождик, вернее всего, к нам приплыл из Южно-Африканской Республики, от тамошних расистов.

– А что? – Пупыкин даже привстал в кресле. – А что? Расисты – они плохо к народу относятся... – Но тут до него дошло, что Удалов шутит и допускает перебор. Он сел обратно, насупился и сказал: – Ладно. Ты, Малюжкин, подготовь материал про тучу из Тотемского района. А ты, Удалов, считай, уже допрыгался.

Люди стали отодвигать стулья подальше от Удалова, а тот себя проклинал: ведь ему-то что – он сегодня дома будет, а все неприятности достанутся его двойнику.

– И учти, Мимеонов, – закончил Пупыкин, – твой вопрос с повестки дня не снят. Допустись еще такой выброс – выброшу тебя из города. Сам знаешь куда.

– Но ведь план...

– А план ты нам дашь. И с перевыполнением. Какой следующий вопрос?

– Градостроительство, – сказал Оболенский.

– Вот это мне по душе. Это настоящий прогресс. Давай сюда изобразительную продукцию.

По знаку Оболенского молодой порученец открыл дверь. Десять юношей и девушек втащили десять стендов и установили их рядом, чтобы было общее ощущение.

Удалов с ужасом понял, что призывы и надежды Оболенского, который хотел в нашем мире изгадить магистраль, здесь достигли сказочных масштабов.

– Вот наша главная улица. Наше завтра, – сказал Оболенский тихо и радостно. Но непроизвольно почесал ушибленное бедро.

– Улица имени Василия Пупыкина, – прошелестел чей-то голос.

– Кто сказал? – нахмурился Пупыкин. – Молчите? А ведь знаете, чего я не терплю. Ты, Ложкин?

Пойманный на месте преступления, Ложкин потупился, встал, как нашкодивший первоклассник, и сказал:

– Вы, Василий Парфенович, не терпите лести и подхалимства.

– И заруби себе это на носу. Народ будет решать, как назвать наш проспект. Народ, а не ты, Ложкин.

– Ну, это вы не правы! – вдруг взвился Малюжкин. – Ложкин – представитель народа. Лучшей его части, ветеран труда.

– Ладно, ладно, без прений, – смиростивился Пупыкин. – Садись, ветеран, чтобы больше с такими предложениями не лез.

Оболенский дождался паузы и обернулся к перспективе.

Через весь город, как стало ясно Удалову, протянется широкая магистраль. Шириной в полкилометра. По обе стороны ее возвысятся различные, но чем-то схожие здания. Каждое здание опирается на множество колонн, над каждым рядом колонн – портики с одинаковыми фигурами. На крышах зданий также стоят статуи. Все здания при этом украшены финтифлюшками и похожи на торты, сделанные к юбилею древнегреческой церкви.

«Как же пройдет у них эта магистраль? – лихорадочно старался представить Удалов. – Видно, от всего центра ничего не останется».

Конечно же – вот она, центральная площадь, вот он, выросший вдесятеро, напоминающий одновременно египетскую пирамиду и китайскую пагоду Гордом. Вот она – десятиэтажная статуя в центре. Уже с головой, с портфелем. Статуя самого Пупыкина!

Удалов говорил себе: «Только не смеяться! Только не улыбаться. Все это меня не касается, а засмеюсь – накажут двойника».

– Мы с вами шествуем, – донесся до обалдевшего Удалова голос архитектора Оболенского, – мимо городского театра. Здание его, прекрасное, выдержанное в стиле гусярского социалистического ампира-барокко, встанет на месте устаревшей развалюхи, которая была построена космополитически настроенными купцами.

«Молчи, Корнелий, – повторял про себя Удалов, – молчи, крепись».

Но язык его предал.

Язык сам по себе сказал:

– В старом театре лучшая в мире акустика. Сюда симфонические оркестры приезжают. Оболенский поперхнулся.

– Вы что хотите сказать, Корнелий Иванович, – мягко спросил он, – наш новый театр хуже старого?

Что здесь поднялось! Как все накинудись на Удалова! Он оказался ретроградом, отсталым элементом и уж конечно чьим-то наймитом. Слово «наймит» носилось по воздуху и било наотмашь Удалова.

Но язык Удалова – о враг его! – не выдержал снова и, выискав паузу в хоре осуждения, крикнул:

– Это бред, а не проект!

– Что? Он ставит под сомнение мою компетентность?

Оболенский так растерялся, что обернулся за поддержкой к Пупыкину. А Пупыкин молча покручивал ус, ждал, хотел, видно, чтобы Удалов окончательно высказался.

– Меньше по чужим женам бегать надо! – крикнул неуправляемый Удалов. – Лучше бы архитектуре учился!

Тут и у Оболенского нервы не выдержали.

В наступившей роковой тишине он закричал в ответ:

– Она меня любит! У нас любовь! Ты ее недостойн!

– Поговорили? – раздался громовой голос.

Удалов взглянул на Пупыкина и понял, что говорит тот в мегафон – достал откуда-то трубу раструбом. Видно, берег для особых случаев.

– Поговорили – и хватит! Всем сидеть!

Все сели. И замолчали.

– Оболенский, сядь. С тобой все ясно, старый козел. Заключительное слово по данному вопросу имеет товарищ Слабенко. После этого перерыв. После перерыва обсуждение персонального дела бывшего директора стройконторы, бывшего члена городского президиума, бывшего, не побоюсь этого слова, моего друга Корнелия Удалова.

И так всем стало страшно, что даже твердокаменный Слабенко не сразу смог начать свою речь. Он отпил воды из графина, стоявшего перед ним, и руки его дрожали.

А от Удалова не только все отодвинулись, но даже стол отодвинули. Он теперь сидел один на пустынном пространстве ковра.

– Снос, – сказал Слабенко, – начинаем с понедельника. Мобилизуем общественность. Она уже подготовлена, радуется.

– Это хорошо, – одобрил Пупыкин. – Пресса, от тебя зависит многое. Если что не так – ответишь головой!

– Я вам завтра полосу принесу, – сказал Малюжкин. – У меня уже голоса народа подготовлены, пожелания трудящихся, все как надо. Народ жаждет преобразований.

– За полгода управимся, – сообщил Слабенко.

– Что? За полгода?

– Техники маловато. К тому же эти чертовы эксплуататоры из кирпича строили.

– Взорвать! – сказал Пупыкин.

– Там жилые кварталы – трудно.

– Выселить, – решил Пупыкин. – Пилипенко ко мне вызовешь и прокурора, подумаем, как оформить. Чтобы за две недели центр снести.

– Постараемся, конечно. – Слабенко сомневался.

Удалов поглядел на Оболенского. Оболенский прожигал его ненавидящим взглядом и скалился, но укусить не мог – далеко.

– Ты мне не старайся, ты сделай. Сносить это барахло будем методом народной стройки. Главное – энтузиазм, ясно, Малюжкин?

– Надо будет трудящимся перспективу дать, – напомнил Малюжкин. – Надо будет сообщить, что всем нуждающимся на проспекте вашего имени будут отдельные квартиры.

– Этого делать нельзя, – вдруг возразил Ложкин. – Это будет неправда. Народ нас не поймет. У нас же на проспекте только общественные здания.

– Как так общественные? – вскинулся Оболенский. – А жилой дом для отцов города?

– Но это же один дом... и для отцов.

– Ложкин, – перебил его Пупыкин, – учти, что у нас в Гусляре нет проблемы отцов и детей и даже конфликтов таких нету. Они надуманные. Так что если мы строим для отцов города, значит, строим и для детей. У меня у самого двое детей. Все знают.

Тут людей прорвало, все начали аплодировать, а когда отаплодировали, постановили наметнуть на квартиры в следующем номере газеты. Без деталей.

Хотелось, конечно, Удалову встать и объяснить, что он думает, но удерживался – и без того уже погубил карьеру своего двойника.

Потом выступали другие отцы города. Каждый рапортовал, какую лепту внесет в общий котел. Тут Удалову открылась тайна – что же за изделия изготавливались на фабрике пластмассовых игрушек, которая чуть не отравила город. Оказалось, что изделие номер один – это статуя Пупыкина в полный рост для украшения крыши на проспекте, а изделие номер два – Пупыкин в детстве. Такие статуи народ требовал для детских садов. И делали те статуи не из гипса, а из долговечного пластика под мрамор. Вот и работала фабрика с таким напряжением, что допускала выбросы в атмосферу.

Потом Слабенко снова выступил по вопросу о главной статуе, что возводилась на главной площади.

– Саботаж, – произнес он твердо, – до которого докатился так называемый якобы профессор Минц, поставил нас в тяжелое положение.

– Тяжелое, но не безвыходное, – сказал Пупыкин.

– Безвыходных положений, конечно, не бывает, – согласился Слабенко. – Но как нам, простите, вашу голову поднять на такую высоту, куда ни один кран не достанет, – мы еще не решили. Без этого... гравитатора... не уложимся. Да и в сооружении проспекта он нам нужен.

– Мы эти речи слышали, – поморщился Пупыкин. – Я бы назвал их капитулянтскими. Тысячи лет различные народы строили великие сооружения и без башенных кранов, а тем более – без профессора Минца.

– Еще надо выяснить, на какую разведку он работает! – крикнула с места директорша музея Финифлюкина.

– Ясно на какую, – сказал Ложкин. – На сионистскую.

«Господи, – испугался Удалов. – Что же это происходит? Даже Ложкин – милый сварливый старик, всю жизнь рядом прожили! Он же Минца как брата уважает». Но тут же Удалов себя поправил: ведь это в нашем мире. А тут перпендикулярный.

– С Минцем ведется разъяснительная работа, – произнес Пупыкин. – Мы не теряем надежд. Однако должен предупредить тебя, Слабенко, что пирамиды в Египте и колокольня Ивана Великого строились без башенных кранов.

– Так на них голов нету, – неудачно возразил Слабенко.

На него так зашикали, что ему пришлось сесть.

И тут Пупыкин объявил перерыв.

– Идите в буфет, – сказал он, – крышу починили, икру привезли. А ты, Удалов, задержишься. Удалов задержался. Те, кто спешил в буфет есть икру, обходили Удалова по стенке.

– Что-то ты у меня сегодня не трепещешь? По глазам вижу, что не трепещешь, – заметил Пупыкин.

«Проницательный, черт, – подумал Удалов. – И в самом деле не трепещу. Но по какой причине – ему не догадаться. А ведь жил бы я здесь, наверное, трепетал бы. У него весь город в руках».

– Для меня твое провокационное выступление на активе не неожиданность, – сказал Пупыкин, задумчиво покручивая усы. – С утра мне сигналы на тебя поступают. Но я тебе не враг, мы с тобой славно вместе поработали – ты от меня ничего, кроме добра, не видел. Потому хочу сначала разобраться. Может быть, обойдемся без персонального дела, как ты думаешь?

Удалову стало жалко своего двойника, и он ответил:

– Лучше, чтобы без персонального.

– Ну и молодец, Корнюша. Ты садись, в ногах правды нет.

Пупыкин подождал, пока Удалов сел, и сам уселся напротив Удалова.

– Смешно прямо, – сказал он, – как барбосы, ну прямо как барбосы. Стоило мне недовольствие к тебе выразить, как они уже тебя растерзать готовы. А я понимаю: у тебя душевный стресс. В самом деле Оболенского с Римкой поймал?

– Поймал, – признался Удалов. – Он в окно выскочил, со второго этажа.

– То-то хромает, бес в ребро! Я-то, когда тебе Римку передавал, можно сказать, с собственного плеча, думал, что достигнешь ты простого человеческого счастья. А сейчас вижу: ошибся я. Виноват, я свои ошибки всегда признаю. Жаль только, что другие не следуют моему примеру. Знаешь что, ради дружбы я тебе Верку уступлю. Огонь-баба – блондинка. А хочешь, Светку? Она справа сидит, новая, у нее в роду цыгане были, честное слово! Ты ее дома запрешь, чадру повесишь, как занавеску. В виде исключения. А если нужно справку – директор поликлиники выдаст: экзема лица. Ну как, подходит? А Римку мы Оболенскому всучим. Лежалый товар!

И Пупыкин зашелся в смехе, совсем под стол ушел, такой махонький стал, одним ногтем придавить можно.

– Не в этом дело, – сказал Удалов. – Мне и с Ксюшей неплохо было.

– Ну, это ты брось! Нам такие Ксюши не нужны. Пускай знает свое место. Нет, дорогой, мы с тобой еще молодые, мы еще дров наломаем, на всю землю прославимся. Так что об этой интриганке забудь!

«Ага, – подумал Удалов, – значит, Ксения чем-то Пупыкину не угодила. Может, двойник ее все же любит? Хорошо бы любил – приятнее так думать».

– Чего задумался? Не согласен?

– Как скажете, – ответил Удалов.

– В покорность играешь? Ой непрост ты, Удалов, ой непрост. Скажи мне, дружище, ты чего сегодня утром на шоссе картошку собирал? Или тебе из распределителя мало картошки выдают?

– А как вы думаете? – нашелся Удалов.

– Есть у меня подозрение, – произнес Пупыкин. – Но такое тяжелое, такое, можно сказать, страшное, что и не смею сказать.

– А вы скажите.

– А я скажу. Я скажу, что, может быть, ты врагам нашего народа картошку носил?

– Каким таким врагам?

– Вот видишь, таишься, значит – врешь! По глазам вижу, что врешь! Кому носил? Все равно донесут, все равно дознаюсь!

– Нет, просто так, – решил спасти своего двойника Удалов. – Увидел, что рассыпанная, вот и собрал.

– Это чтобы в моем городе кто-то картошку рассыпал? Опять врешь. И что делал в такое время на шоссе, тоже забыл?

– Гулял.

– А о чем с Савичем на рынке разговаривал?

Пупыкин вскочил и побежал по кабинету. Удалов увидел, какие у него высокие каблукки. Вопросы сыпались из него быстро, один за другим:

– Зачем в магазине изображал черт знает что? Зачем хотел картонную лососину покупать? В оппозицию играешь? А на площади, у моего монумента, зачем крутился? Зачем народ агитировал, что я уже умер?

– Я Льва Толстого имел в виду.

– Кто у нас предгор? Я или Толстой?

– Вы.

– Ты меня свалить захотел?

– Всё – набор случайностей.

– Случайность – это осознанная необходимость, – сказал Пупыкин. – Учить теорию надо. Ну что, будешь каяться или разгромим, в пример другим маловедам?

– Как знаете. – Удалов посмотрел на часы. Скоро перерыв кончится. А надо еще настоящего Удалова предупредить, что его ждет.

– Тогда идейный и организационный разгром, – подвел итог беседе Пупыкин.

– Ну, вы прямо диктатор.

– Не лично я диктатор, – ответил Пупыкин, – но осуществляю диктатуру масс. Массы мне доверяют, и я осуществляю.

– Ох, раскусят тебя массы, – предупредил Удалов.

Он тоже поднялся, и от этого движения Пупыкин метнулся в угол, протянул руку к кнопке.

– Не зови свою охрану, – сказал Удалов. – Я пойду перекушу в буфет.

– А вот в буфет тебе вход уже закрыт, – осклабился Пупыкин. – Мне на таких, как ты, тратить икру нежелательно.

– Значит, еще до начала разговора со мной знал, чем он кончится?

– А моя работа такая – знать заранее, что чем кончится. Подожди в приемной, далеко не отходи. Никуда тебе от меня не скрыться.

Удалов вышел из кабинета. Спортсмены с повязками дружинников его пропустили. Удалов поглядел на секретарш. Вот черненькая – могла бы стать его женой и таить личико под занавеской, а вот и беленькая – тоже мог получить. «Где же ты, Ксюша, где же ты, родная моя?» И Удалов затосковал по Ксюше за двоих – за себя и за своего двойника.

На улице моросил дождик, но работы вокруг монумента не прекращались. Детишки вскапывали клумбы, воспитательницы сажали рассаду, монтажники крепили к боку статуи руку с портфелем, бригада дорожников сыпала щебенку под асфальтовое покрытие.

Удалов, отворачиваясь от людей, быстро прошел к памятнику. За массивным постаментом таился невысокий полный мужчина в плаще с поднятым воротником, в шляпе, натянутой на уши, и в черных очках. «Значит, вот как я выгляжу со стороны», – подумал Удалов и подошел к двойнику.

– Ждешь? – сказал он.

– Тише! Тут люди рядом. Ты куда пропал?

– Пупыкин меня допрашивал.

– Ой, тогда я пошел! Лучше сразу в ноги!

– погоди, разве не хочешь послушать, что тебя ждет?

– А что?

– И переодеться не хочешь?

– Зачем?

– Затем, что Удалов не может выйти на перерыв из кабинета в одном костюме, а вернуться в другом. Вижу, ты, брат мой, совсем поглупел.

– Тогда бежим – вон там подсобка, вроде пустая.

– Бежим.

Они побежали, а Удалов сказал по пути двойнику:

– Ты хорошенько подумай, прежде чем туда возвращаться.

– А что?

– Как только они икру съедят...

– Сегодня икру в буфете дают? – с тоской спросил двойник.

С такой искренней тоской, что Удалов даже остановился.

– Ты что, серьезно?

– Но мне же положено, – ответил двойник.

– А раз положено, надо взять?

– Как же не взять, раз положено?

Они побежали дальше, забрались в вагончик. Он в самом деле был пуст. На крючках висели пиджаки, на столике стояли пустые миски.

Двойник сразу начал раздеваться. Удалов последовал его примеру.

– Смотрю я на тебя, – сказал он, – и думаю: если ты, мой полный двойник, смог превратиться в такое... значит, и во мне это сидит?

– Что сидит? – не понял двойник.

– Рабство. Лакейство.

– Я, прости, не раб и не лакей, – ответил второй Удалов, – я на ответственной работе, не вору, морально устойчив.

– И ворует, и морально неустойчив, – отрезал Удалов. – Только сам уже этого не замечаешь. Если икру тебе в буфете дают, а другим не положено, значит, ты ее ворует. Понял?

– Ты с ума сошел! Разве ты не понимаешь, что мы, руководящие работники, должны поддерживать свои умственные способности? У нас же особенная работа, организационная!

– А в детском саду икру дают?

– Не знаю. Там молоко дают.

– Ну и погряз ты, Корнелий, не ожидал я от тебя.

– А чем ты лучше?

– Я светлое будущее строю.

– Я тоже. Под водительством товарища Пупыкина. А ты под чьим водительством?

– Дурак ты, Корнелий. У нас водительство демократическое.

– У нас тоже.

– Не путай демократию с круговой порукой.

Второй Корнелий начал натягивать брюки. Разговор с двойником его встревожил и даже разозлил.

– Может, у вас и демократия, – сказал он. – Только твоей заслуги в том нет. Не прижали тебя, вот и гордый. А попал бы на мое место, куда бы делся? Некоторые сопротивлялись. Что это им дало? Что это дало народу? Где Стендаль? Где Ксения? Где Минц? Где Ванда?

– Где?

– В разных местах. Наш народ еще не дорос до демократии. Нам твердая рука нужна. Хорошо служишь – тебя ценят.

– Как ценят, не знаю, но сейчас будут разбирать твое персональное дело.

– Чего? – Двойник сжался, как от удара в живот.

– Не чевокай, а слушай. Меня утром на шоссе видели, что я картошку собирал. Решили, что это ты.

– А зачем ты картошку собирал?

– Зиночке Сочкиной помочь хотел. Она ее в город несла.

– Это же преступление! Картошка по талонам, а она ее с поля украла!

– Помочь человеку, учти, это никогда не преступление. Потом я в магазине хотел купить лососины.

– Откуда лососина в магазине? Что за глупость?

– Я и говорю, что нет лососины в магазине. Так что эту глупость тебе припишут. Потом я на этой площади сказал, что Пупыкин уже помер.

– Я тебя убью! Ты меня погубить вздумал?

– Откуда я знал, что у вас такие порядки? Но главное то, что я на вашем активе Оболенскому про его моральный уровень сообщил.

– Ну кто тебя просил! Оболенский же пупыкинский друг!

– А никто меня не просил, кроме чувства собственного достоинства. Честь твою защищал.

– Что ты понимаешь в чести!

– А ты?

– Я-то понимаю. Честь – это дисциплина.

– Вот именно. В этом у нас расхождение. Так пойдешь на свою казнь или смоемся, пока не поздно?

– Я все объясню. Василий Парфенович меня простит.

– Ты там от всего отпирайся, – посоветовал Удалов. – Я не я, корова не моя.

Но двойник уже не слушал. Он рвался прочь.

– погоди! – крикнул ему вслед Удалов. – Где мне Минца отыскать?

Двойник ничего не ответил. Ежась от дождя, он бежал через площадь к входу в Гордом, навстречу своей горькой судьбе.

Тогда Удалов, избегая людных мест, поспешил к своему дому. Он знал, кого ему искать. Старый друг и сосед, изобретатель Грубин не мог измениться.

Но и Грубин изменился.

Удалов заглянул к нему со двора. Комната была еще более захламлена, чем обычно. В ней почему-то было много частей человеческого тела, изготовленных из белой пластмассы, и Грубин сидел на продавленной кровати, держал голову в руках, будто хотел отвинтить. И медленно раскачивался.

Наверное, зубы болят, решил Удалов и постучал в окно. Грубин поднял голову, посмотрел на Удалова тупым взглядом и вновь опустил голову.

Удалов тихонько вошел в дом, поглядел вверх – не смотрит ли кто со второго этажа – и толкнул дверь к Грубину. К счастью, она была открыта.

Удалов вошел в комнату и сказал:

– Привет, Саша. Ты чем-то расстроен?

– А ты не знаешь? – спросил Грубин, не поднимая головы.

– Пытаюсь понять.

– Тебе все ясно, – ответил Грубин. – Ты нашел свое место.

– А ты?

– Вот в том и ужас! – закричал Грубин. – Как же я так мог попасться? Ты мне скажи, как я мог попасться? Ну ладно, ты человек слабый, угодил в силки, даже биться не стал. Куда несут, туда и идешь. Но я-то творческая интеллигенция, всю жизнь гордился своей независимостью. И вот – стал соучастником преступления!

– погоди, не все сразу. Давай по порядку.

Удалову захотелось понять, что произошло с Грубиным.

Может быть, изменения только внешние, тогда еще не все потеряно.

– Мне с тобой говорить не о чем, – сказал Грубин.

– Почему же?

– Сам знаешь. Ты – номенклатура. Я – продавшаяся интеллигенция.

– А ты все-таки скажи. Допусти, что перед тобой не Удалов, а какой-то другой человек.

– Какой-то другой к Пилипенко доносить не побежит. А Удалов побежит.

– Не побегу, – возразил Удалов. – Честное слово.

– Ты правды захотел? Тогда держись! Скажу тебе, Корнелий, что за последние три года ты сильно изменился. С тех пор как тебя этот Пупыкин приблизил, ты сам на себя не похож. Готов землю за ним лизать. А с Ксенией что вы сделали?

– А что?

– Только не говори, что ты подчинился силе! Другой бы никогда жену не отдал. Залег бы в прихой с пулеметом, отбивался бы до последнего патрона. А ты выбрал Пупыкина. Ну, выбрал – и пресмыкайся.

– А еще что? – спросил Удалов. Горько ему было слушать такие слова о своем двойнике. Но надо слушать. На чужих ошибках учатся.

– А с Минцем ты как поступил? Ты зачем Минца топил?

– Я? Минца?

– Зря я с тобой разговариваю – время впустую трачу. Только удивительно – как быстро меняются люди.

– Тогда слушай ты, – решил Удалов. – И постарайся мне поверить.

Он произнес эти слова так значительно, что Грубин в удивлении уставился на него.

– Я не Удалов, – сказал Корнелий Иванович. – То есть я Удалов, но вовсе другой Удалов. А настоящий Удалов сидит сейчас в Гордоме, на активе, и соратники топчут его ногами.

Вот что удивительно – Грубин поверил Удалову мгновенно!

– У тебя глаза другие, – признал он. – У тебя глаза прежние. Может, даже смелее. Объясни.

И Удалов объяснил. И про изобретение Минца, и про то, как Минц простудился и пришлось Удалову идти в параллельный мир вместо друга.

По мере того как он рассказывал, лицо Грубина светлело, морщины разглаживались, даже волосы начали завиваться.

Грубин вскочил, принялся бегать по комнате, опрокидывая предметы и расшвыривая пластиковые руки и ноги.

– Сейчас же! – закричал он, не дав Удалову договорить. – Сейчас же обратно! Беги отсюда! Тебе здесь не место. И если можешь, возьми меня с собой. Больше я здесь жить не могу!

– Спокойно, – остановил его Удалов. – Без паники. У меня задача – найти Минца. И вторая – во всем разобраться. А как исправлять положение, подумаем вместе. Рассказывай. Коротко, внятно. Начинай!

Последнее слово прозвучало приказом, и Грубин подчинился ему. Он остановился у стола, задумался.

– Даже не знаю, как начать. Произошло это три с половиной года назад. Был у нас предгором Селиванов.

– Помню, – подтвердил Удалов. – У нас он тоже предгором был. Потом на пенсию ушел.

– И занял то место его заместитель Пупыкин, Василий Парфеныч.

– У нас тоже. Все пока сходится.

– Времена, ты знаешь, были тихие, ни шатко ни валко. Утвердили Пупыкина предгором, он сначала ничего вроде бы и не делал. Все повторял: как нас учил товарищ Селиванов... продолжая дело товарища Селиванова...

– Смотри-ка, у нас тоже так начинал!

– Потом начались кадровые перестановки. То один на пенсию, то другой, того с места убрали, того на новое место назначили... и тон у Пупыкина менялся. Уверенный тон становился. Ботинки заказал себе в Вологде на высоких каблуках. Пилипенку приблизил. Это наш старшина милиции.

– Знаю, он у нас до сих пор старшина. Простой мужик, душевный. Председатель общества охраны животных.

– Против Пупыкина боролись. Был у нас такой Белосельский, не знаешь? Коля? В классе с нами учился.

– Еще бы не знать, – улыбнулся Удалов.

– Так этот Белосельский выступил. Потребовал, чтобы покончить с приписками и обманом, а развивать трудовую инициативу и демократию... да, демократию.

Удалов кивнул. Он эту историю отлично помнил.

– Не знаю уж, каким образом, все было сделано тихо – куда-то Пупыкин написал, кому-то позвонил, что-то против Белосельского раскопал. Только слетел Белосельский со своего места. И пришлось ему уехать за правдой в область. Не знаю уж, отыскал он ее там или нет – только в город он не вернулся. А для многих его поражение стало хорошим уроком. Поняли: опасно идти против Пупыкина.

– Вот как у вас дело повернулось, – вздохнул Удалов. – Теперь мне многое понятно.

– А дальше – пошло-покатилось. Пупыкин всюду выступал, говорил, какие мы счастливые, как наш город движется вперед семимильными шагами. И чем меньше товаров в магазинах становилось, тем громче выступал Пупыкин. И что грустно – как только люди убедились, что Пупыкин твердо сидит, не скovýрнуть его, они по углам разбежались, каждый у себя дома боролся за демократию и гласность, а на собраниях голосовали как надо.

– Понятно.

– Через год и ты, прости, Корнелий, сообразил, что лучше быть при начальнике, чем против. Как-то на собрании ты выступил против Пупыкина. И тут же тебе выговор за выговором, а потом открыли против тебя уголовное дело за хищение стройматериалов.

– Да чтобы я похищал!

– Верю, что не похищал. Только ты после этого сник, со мной даже разговаривать перестал, а стал рядом с Пупыкиным на трибуне стоять.

– Быстро вы ко всему привыкли!

– А что откладывать в долгий ящик? Если тебе с утра до вечера объясняют, как повезло тебе с таким хорошим начальником, то лучше согласиться.

– И ты тоже согласился?

– В этом мое преступление! – воскликнул Грубин. – Ты же знаешь, я неплохой изобретатель. Я предложение сделал, чтобы пластмассу усовершенствовать, из которой игрушки на фабрике делали. И формы новые изобрел – думал сделать для дома отдыха шахматы в виде рыцарей ростом с человека, но легкие. А директор фабрики Мимеонов в то время решил Пупыкину угодить, наладить массовое производство его бюстов. Для того чтобы в каждом учреждении и в каждой квартире стояли. Вот он этим способом и воспользовался. Пупыкину эта инициатива понравилась. Меня консультантом на фабрику пригласили, премию дали. А когда Мимеонов начал для будущего счастливого города Великого Пупыкина статуи в натуральную величину изготавливать, приложил я руку к этому безобразию. Теперь мучаюсь.

– Значит, другие не мучились и воспевали, а ты мучился, но тоже воспевал? – спросил Удалов.

– Только не надо иронии, – сказал Грубин. – Я же все понимал. И даже предупреждал Мимеонова – умерь свой пыл! Фильтров на заводе нету, отбросы у нас вредные, прорвет – весь город погубим. Ты когда к нам приехал?

– Сегодня утром. Видел я, до чего ваша деятельность довела. Костюм погубил и вообще всю одежду.

– Больше я на фабрику не выйду! Лучше пусть меня выселяют на сельское шефство, лучше на принудотдых. Что угодно – больше я с ними вместе шагу не сделаю.

– Погоди, не части. Мне ваша система не совсем понятна.

– А у вас иначе?

– Мне сейчас некогда тебе объяснять. Скажу только, что твой Пупыкин уже на пенсии, уголовное дело против него возбуждено.

– Что? Не может быть! Какое счастье!

– Не суетись. Будет время – расскажу. Мне сейчас главное – узнать, где Минц, что с ним, здоров ли, почему его дверь опечатана.

– Не знаешь? Он же на принудотдыхе. За саботаж.

– Минц? За саботаж?

– Он не оправдал. Гравитационный подъемник собственными руками сломал, чтобы статую не воздвигать.

– Говоришь, гравитацию изобрел?

– Точно знаю – изобрел, мы с ним вместе испытывали.

– А для Пупыкина – ни-ни?

– Он принципиальный.

– Значит, есть все-таки принципиальные?

– Принципиальные, конечно, есть. Немного, но есть, – признался Грубин. – Но за принципы приходится дорого платить. И Минц заплатил. И Ксюша твоя.

– Да, совсем забыл. Что за история с Риммой?

– Когда Ксюшу на сельхозшефство отправили...

– Понятнее!

– У нас сельское население разбежалось, – объяснил Грубин. – По другим областям. Хозяйства обезлюдели. А Пупыкин в область всегда рапортует, что у нас постоянный прогресс. Что ни год, сеем на пять дней раньше, собираем на три дня раньше, и растут урожаи на три процента в год. Поставки он всегда выполняет. Только из-за этого в городе жрать нечего, а в поле работать отправляют всех, кто несогласный или подозрительный или кто не нужен. Половину учителей отправили, врачей больше половины, весь речной техникум там копает и пропаывает. А из футболистов и самбистов Пупыкин создал дружины, которые людей придерживают. Их на усиленном питании держат.

– Значит, крепостное хозяйство?

– Нет, это сельхозшефством у нас называется. Но что странно, Корнелий, – те, кто в городе остался, считают, что с сельским хозяйством все нормально. Потому что каждый день в газете нам рассказывают, как мы хорошо живем.

– А что случилось с Ксюшей?

– Как-то товарищ Пупыкин лично к тебе домой, то есть к Удалову, приехал, чтобы показать свое к нему расположение. А Ксения вместо обеда ему скандал закатила, всю правду выложила. Ты знаешь Ксению – она неуправляемая. Обиделся Пупыкин, на следующее утро ее скрутили, посадили на мотоцикл к Пилипенко – и в деревню, перевоспитываться, на сельхозшефство без права возвращения в город.

– А я? То есть а он?

– А он... он побежал к Пупыкину, просит – верни мою жену! А Пупыкин, говорят, погладил его по головке и говорит: «Не нужна тебе такая старая и непослушная жена. Она меня не уважает, значит, и тебя не уважает, и нашу великую родину не уважает. Мы тебе сделаем сегодня же развод, и отдам я тебе любую из своих секретарш». Так и сделал. Развел, на Римке женил. Она мне сама рассказывала.

– Ясно, – сказал Удалов. – Общая картина мне понятна. Пошли к Минцу. Где он отдыхает?

– Принудотдых, Корнелий, это по-старому тюрьма. Находится она в подвалах под гостиным двором, где раньше склады были. Там особо недовольные отдыхают.

– Ты хочешь сказать, что профессор Лев Христофорович Минц, лауреат двадцати премий, профессор тридцати университетов, находится в подвалах инквизиции?

– Ну, не то чтобы инквизиции, – смутился Грубин. – Но в подвалах.

– Срочно едем в область! Это не должно продолжаться.

– До области ты не доедешь, – ответил Грубин. – Некоторые пытались. В область специальное разрешение нужно. Его лично Пилипенко подписывает. Только проверенные оптимисты туда попадают. Так что в области о Великом Гусляре самое лучшее представление.

– Но ведь кто-то приезжает!

– Если приезжает, то на витрины с картонной лососиной смотрят, а потом в предгорском буфете обедают. Ясно?

– Минца надо освободить!

– Надо. Но не знаю как.

– Может, прессу поднять?

– Малюжкина? Ты сам видел. Его голове нужна ясность. А ясность он получает сверху.

– Ну что ж, – сказал Удалов, – тогда пошли в подвал.

– Подвалы заперты, там дружинники.

– Саша, ведь недаром я столько лет ремонтами занимаюсь. Неужели мне подземные ходы в этом городе неизвестны?

– А есть ход?

– Должен быть. По крайней мере, в моем мире есть и даже расчищен археологами. Его воры в пятнадцатом веке прокопали – тюки из гостиного двора выносили.

Когда они с Грубиным вышли во двор, Удалов вдруг услышал:

– Корнелий, ты куда? Ты почему домой не идешь?

Голос был женский, жалобный.

Удалов поднял голову. В окне его квартиры стояла молодая жена Римма, неглиже, лицо опухло от слез.

– Я раскаиваюсь! – крикнула она. – Это была минутная слабость. Он старался меня безуспешно соблазнить. Вернись, Корнелий. И не верь клевете Грубина. Он тебе завидует! Вернись в мои страстные объятия!

– Не по адресу обращаетесь, гражданка, – ехидно ответил Удалов.

А Грубин добавил:

– Чего на тебя клеветать? На тебя клеветчи не клеветчи – пробы ставить некуда.

И молодая жена Римма плюнула им вслед.

По бывшей Яблоневой, а ныне Прогрессивной улице, мимо лозунга на столбах «Пупыкин сказал – народ сделает!», мимо дома-музея В.П. Пупыкина друзья спустились к реке в том месте, где к обрыву примыкают реставрационные мастерские. В удаловском мире эти мастерские кипят жизнью и деятельностью. В этом – они стояли пустынные, ворота прикрыты, всюду грязь.

Удалов уверенно прошел за сарай, там отодвинул гнилую доску, и перед ними обнаружился вход в подземелье, кое-как укрепленный седыми бревнами. Грубин достал заготовленный дома фонарик.

Идти пришлось долго, порой Удалов останавливался, заглядывал в боковые ответвления, выкопанные то ли кладоискателями, то ли разбойниками, но ни разу дороги не потерял. Ход окончился возле окованной железными полосами двери.

– Здесь, – сказал Удалов. – Теперь полная тишина!

И тут же раздался жуткий скрип, потому что Удалов стал открывать дверь, которую лет сто никто не открывал. К счастью, никто скрипа не услышал. Его заглушил отчаянный человеческий крик. Они стояли в подземных складах гостиного двора, превращенных волей Пупыкина в место для изоляции и принудотдыха.

Впереди тянулся низкий сводчатый туннель, кое-где освещенный голыми лампочками. Крик доносился из-за одной двери – туда и поспешили друзья, полагая, что именно там пытаются непокорного профессора. Но они ошиблись.

Сквозь приоткрытую дверь они увидели, что в побеленной камере на стуле сидит удрученный Удалов. Перед ним, широко расставив ноги, стоит капитан Пилипенко.

Пилипенко Удалова не бил. Он только читал ему что-то по бумажке.

– Нет! – кричал Удалов. – Не было заговора! И долларов я в глаза не видал.

Пилипенко подождал, пока Удалов кончит вопить, и спокойно продолжал чтение.

Было слышно:

– «Получив тридцать серебряных долларов от сионистского агента Минца, я согласился поджечь детский сад номер два и отравить колодец у родильного дома...»

– Нет! – закричал Удалов. – Я люблю детей!

– Ну что, освободим? – спросил шепотом Удалов у Грубина.

– Не стоит тебя освобождать, – искренне возразил Грубин. – Не стоишь ты этого. А то вмешаемся в драку, сами погибнем и Минца не спасем.

Нельзя сказать, что Удалов был полностью согласен с другом. Трудно наблюдать, когда тебя самого заточили в тюрьму и еще издеваются. Но Удалов признал правоту Грубина. Есть цель. И цель благородная. Она – в первую очередь.

Они прошли на цыпочках мимо камеры, в которую угодил двойник Удалова, и остановились перед следующей, которая была закрыта на засов.

Грубин резко отодвинул засов и открыл дверь.

В камере было темно.

– Лев Христофорович, – позвал Грубин, – вы здесь?

– Ошиблись адресом, – ответил спокойный голос. – Лев Христофорович живет в следующем номере. Имею честь с ним перестукиваться.

– А вы кто? – спросил Удалов.

– Учитель рисования Елистратов, – слышалось в ответ.

– Семен Борисович! – воскликнул Удалов. – А вас за что?

– За то, что я отказался писать картину «Пупыкин обзревает плодородные нивы».

– Выходите, пожалуйста, – попросил Грубин.

– Это официальное решение?

– Нет, мы хотим вас освободить.

– Простите, я останусь, – ответил учитель рисования. – Я выйду только после моей полной и абсолютной реабилитации.

– Тогда ждите, – сказал Удалов.

Времени терять было нельзя. В любой момент в коридоре могли появиться охранники. Они перебежали к следующей двери. Грубин открыл и ее.

– Лев Христофорович?

– Собственной персоной. Вы почему здесь, Саша?

– Я к вам гостя привел, – произнес Грубин.

Они вошли в камеру, закрыли за собой дверь. Грубин осветил фонариком. Профессор Минц, сидевший на каменном полу, подстелив под себя пиджак, прикрыл глаза ладонью.

– Потушите, – попросил он. – Мои глаза отвыкли от света.

– Я к вам гостя привел, – повторил Грубин.

– Кого? Кто осмелился залезть в это узилище? Кто мой друг?

– Это я, Корнелий, – проговорил Удалов.

– Отказываюсь верить собственным ушам! Разве не вы первый на разборе моего персонального дела предложили изолировать меня в этом доме подземного отдыха?

– Нет, не я, – честно ответил Удалов.

– Не вы ли заклеили меня званием врага народа и иностранного агента?

– Нет, не я.

– Вы лжец, Удалов! – воскликнул Минц. – И я не намерен с вами разговаривать.

– Тот Удалов, который голосовал и призывал, – ответил Корнелий, – сейчас сидит через две камеры от вас. Пилипенко ему террористический заговор шьет. А я – совсем другой Удалов.

– Не понял!

– Я живу в параллельном мире. Меня послал сюда наш Лев Христофорович. По делу. Но когда я узнал, что у вас творится...

– Стойте! – закричал профессор. – Это же великолепно! Грубин, посветите фонариком. И Минц бросился в объятия к Удалову:

– Значит, параллельные миры существуют! – радовался ученый. – Значит, мои предположения и теоретические расчеты были правильны. Да здравствует наука! И что же просил передать мой двойник?

– Лев Христофорович стоит перед проблемой, – сказал Удалов. – Нам нужно прокладывать магистраль через Гусляр, а у него никак не получается с антигравитацией. Он сам простудился и просил меня сгонять к вам и взять расчеты.

– Вы говорите правду? – насторожился Минц.

– А зачем мне врать?

– А затем, что это может быть дьявольской выдумкой Пупыкина. Ему нужна моя гравитация. Ради нее он пойдет на все. Он способен даже выдумать параллельный мир.

– Нет, Удалов правду говорит! – сказал Грубин. – Я верю.

– А я не верю! – сказал Минц. – Если в вашем параллельном мире тоже прокладывают магистраль, мой двойник никогда не согласится участвовать в преступлении против нашего города. Он, как и я, предпочел бы кончить свои дни в темнице, но не пошел бы в услужение к варварам.

– Но в нашем мире, – возразил Удалов, – антигравитация нужна, чтобы подвинуть часовню Святого Филиппа и не разрушить памятники.

Минц все еще колебался.

Тогда Грубин сказал:

– Есть выход. Хотите доказательства?

– Хочу.

– Тогда пошли с нами, я покажу второго Удалова.

Минц поднялся и, поддерживаемый Грубиным, вышел в коридор.

Через минуту они были у камеры, где Пилипенко допрашивал второго Удалова.

Минц заглянул в дверь, потом обернулся к Удалову.

– Простите, что я вам не поверил. Но доверчивость нам слишком дорого обходится.

– Как мне приятно это слышать, – ответил Удалов. – Я сначала испугался, что здесь все смирились с тираном.

– Это не тиран. Это мелкий бандит, – возразил Минц. – Тираны отжили свой век, но тиранство еще живет.

Последние слова он произнес слишком громко. Пилипенко услышал шум в коридоре, метнулся к двери, отворил ее и увидел Минца.

– Выскочил? Бежать вздумал?! – заревел капитан, засовывая руку в кобуру.

Минц оторопел. Он не знал, что делать в таких случаях. Но Удалов, который вырос без отца, на улице, отлично знал, что надо в таких случаях делать. Он отодвинул в сторону Минца, шагнул вперед и сказал:

– Всё, Пилипенко. Доигрался ты.

У Пилипенко отвисла челюсть. Он, как кролик на удава, смотрел на Удалова. Потом метнул глазами в открытую дверь и увидел там второго Удалова.

– А-а-а-а, – лепетал Пилипенко.

Грубин не терял времени даром.

– Корнелий! – крикнул он двойнику Удалова. – Выходи!

А первый Корнелий тем временем отобрал у оторопевшего милиционера пистолет, а самого его затолкал в камеру и закрыл дверь на засов. Пилипенко даже не возражал.

– Теперь бежать, – поторопил Грубин.

Они побежали по коридору к подземному ходу. И вовремя. Потому что Пилипенко опомнился, стал молотить в дверь, звать на помощь, и издали слышались шаги – от входа в подземелье бежали дружинники-самбисты.

Но дверь в подземелье уже была закрыта, и, незамеченные, наши герои поспешили к реставрационным мастерским.

Если погоня и была, она их потеряла.

Без приключений они выбрались из-под земли, уселись за сараем, чтобы перевести дух.

Был хороший осенний вечер. Солнце уже спряталось за строениями, небо прояснилось, было бесцветным, а редкие облака подсвечивало золотом по краям, словно они были большими осенними листьями.

Удалов смотрел на своего двойника – у того синяк под глазом, царапина на щеке, и вообще вид потрепанный.

– Били? – спросил Удалов с сочувствием.

– Пилипенко, – ответил двойник. – Я до него доберусь.

– Нет, – сказал профессор Минц. – Судить его будет народ.

– Кто? – вздохнул двойник Удалова. – Прокурор? Судья? Так они все у Пупыкина в кармане.

– Бригаду пришлют, из области, – произнес Грубин. – Или даже из Москвы. Неподкупную.

– Революция! – сказал Удалов-двойник мрачно. – Только революция сможет смести весь этот вертеп.

– Революцию устраивать нельзя, – объяснил Грубин. – Мы живем в социалистическом государстве, у нас законы, профсоюзы, против кого ты хочешь революцию устраивать?

– Без революции не обойтись.

– А как ты ее организуешь?

– Пойду к народу, раскрою ему глаза.

– Скажи, – спросил Грубин, – а у тебя до сегодняшнего дня глаза что, закрыты были?

– Нет, я видел, конечно, недостатки. – Удалов смешался, замолчал.

– И заедал их черной икрой из спецбуфета, – закончил за него фразу Грубин. И горько улыбнулся.

И все улыбнулись, потому что в словах Грубина была жизненная правда.

– Надо писать, – предложил Минц, – пришлют комиссию.

– Многие писали, – возразил Грубин. – Только все письма на почте перехватывают, а потом, где этот писатель? На трудовом шефстве. Да еще, как назло, наш город железной дороги не имеет и окружен непроходимыми лесами.

– Не такими уж непроходимыми, – вмешался Удалов.

– Я боюсь, Пупыкин справится с любой комиссией. У него по этой части опыт. У него документация отработана – комар носу не подточит.

– Странно мне смотреть на вас, друзья, – сказал Удалов. – Вы все такие же самые, как и в настоящем мире. И внешне, и по голосу. И в то же время – не такие. Ну, мог ли я когда предположить, что Корнелий Удалов, человек честный, прямой и даже добрый, может стать прислужником у мелкого диктатора?

– Не надо, – попросил двойник. – Это в прошлом. Я все осознал.

– Что же, одного Пупыкина достаточно, чтобы вы из энтузиастов, строителей светлого будущего превратились в болото?

– Пупыкин не один, – вздохнул Минц. – Это целое направление: пупыковщина. Подлая личность не может изменить историю, если не сколотит банду таких же подлецов. У них на словах все так же, как в нормальных местах. А бумаги фиксируют счастье и прогресс. Пупыкин многим нужен. При Пупыкине можно не думать. А служить. Хорошо служишь – все имеешь. Даже жену молодую тебе могут на дом доставить. Не проявляешь верности... сами понимаете. И с каждым днем становится все больше верных служителей. И пресса у него в руках.

– Вернусь домой – скажу Малюжкину, какую он роль играет при Пупыкине, – он меня убьет, собственными руками убьет. Он же жизнь отдаст за свободу и демократию, – проговорил Удалов.

– И ветераны, – продолжал Минц.

– Вы Ложкина не знаете – он вчера на площади демонстрацией руководил за спасение часовни Святого Филиппа!

– Нет, я сам видел, как Ложкин эту часовню собственными руками на субботнике рушил, – возразил Грубин.

– А ты, Грубин, молчи. Я-то знаю, на что ты в самом деле способен. Весь наш город гордится твоими изобретениями!

Стало прохладно. Облака потемнели, снова подул ветер.

– Мне пора возвращаться, – напомнил Удалов. – Только желательно от Минца формулы получить.

– Формулы у меня в голове, – сказал Минц, – я все бумаги сжег.

Ситуация была какая-то ненастоящая, мистическая, словно приснилась. Стоял Удалов в своем родном Гусляре, окруженный не только друзьями, но и самим собой. Сейчас бы пойти посидеть в кафе или в театр махнуть, как культурные люди. А вместо этого они таятся за сараем на опустевшей базе реставраторов и даже не знают, куда деться и что делать дальше.

– Я в подшефное хозяйство пойду, – решил вдруг двойник Удалова. – Пойду Ксюшу проведаю. Мне ведь тоже домой нельзя.

Слова двойника Удалова обрадовали – значит, все же не чужие они люди. И он принял решение.

– Значит, так, – начал он, и все его внимательно слушали. Потому что Удалов приехал из нормального мира. – В наш мир сейчас отправится Лев Христофорович. Он сразу пойдет в гости к нашему Минцу и все ему расскажет. Заодно и формулы сообщит. У Минца голова государственная, что-нибудь придумает. А два Минца тем более придумают. Если нужно, сходите к Белосельскому, он может подсказать, к кому в области обращаться. А то и в Москву. Как решите – сразу обратно. Мы будем ждать.

– А вы, Корнелий Иванович? – спросил Минц.

– А я вместе с моим близнецом на сельскохозяйственные работы отправлюсь. Боюсь, что ему без меня у Ксюши прощения не получить.

– Спасибо, ты настоящий друг, – произнес второй Удалов, и скупая слеза покатила по его грязной исцарапанной щеке.

Удалов достал платок, вытер ему слезу.

– А мне что делать? – спросил Грубин. – Я тоже хочу участвовать.

– Ты будешь ждать. В резерве, – определил Удалов. – Веди пропаганду в народе, готовь перевыборы.

Все послушались Удалова и, выйдя из-за сарая, стали подниматься вверх, переулком, чтобы не попасться на глаза противникам.

Уже поднялись до половины склона, как вдруг Минц остановился.

– То, что вы предложили, Корнелий, – сказал он, – очень разумно. В каком-нибудь фантастическом романе, наверное, так бы и произошло. Я бы отправился в параллельный мир, оттуда получил бы совет и помощь, вы бы с Удаловым подняли восстание в подшефном хозяйстве, где много горячего человеческого материала. И был бы счастливый конец. Но я сейчас сообразил: мы же не в романе!

– Ты прав, Лев Христофорович, – поддержал Грубин. – Мы в реальной жизни. И действовать должны, как будто никаких параллельных миров и нет. Может, их и в самом деле нет?

– Как так? А я? – спросил Удалов.

– А ты нам только снишься, – заключил Грубин.

– Точно, – подтвердил второй Удалов. – Ты прав, Саша. Сами мы Пупыкина вырастили, сами и ликвидируем.

– У нас не может быть революции! – напомнил Удалов.

– Кто говорит о революции? – ответил Минц. – Мы собираемся навести порядок в своем доме.

Трое друзей переглянулись и согласно кивнули.

– Минутку, – сказал Минц и вытащил из кармана записную книжку. Быстро набросал на ней три строчки цифр и протянул Удалову: – Вот это передай моему двойнику. Это, конечно, не расчеты, но если бы я был на его месте, то обязательно бы догадался, каким путем идти.

– Спасибо, – произнес Удалов. – Хотя все равно считаю, что вас, как ведущего ученого, мы должны эвакуировать в наш мир.

– Эвакуировать пришлось бы весь город, – ответил Минц. Он протянул Удалову руку и добавил: – Спасибо, что к нам заехали. Вы нам сильно помогли. Действием и примером.

– Спасибо, Корнелий, – сказал Грубин, прощаясь с Удаловым. – Рад был встретиться.

Последним с ним попрощался двойник.

– Надеюсь, что Ксения поймет, – сказал он.

– Все образуется, – успокоил его Удалов. – Она у нас отходчивая.

И они втроем, как три мушкетера, так и не объяснив Удалову, что намерены делать, быстро пошли вверх по улице.

Страшно за них было. И приятно смотреть на мужскую дружбу. Прямо как крейсер «Варяг», подумал Удалов, когда он уходил в свой последний неравный бой. Удалову стало одиноко.

Он сложил вчетверо бумажку с формулами, спрятал в ботинок. Если задержат, может, не найдут.

Когда распрямлялся, услышал сверху короткий хлопок. Выстрел?

Он взгляделся. Нет, не выстрел. Это хлопнула калитка. Кто-то вышел на улицу и пошел рядом с тремя мушкетерами. Удалов потоптался на месте еще с минуту. И припустил в гору за друзьями, которые уже скрылись за ее гребнем.

А когда догнал их, увидел, что рядом с ними идут человек десять, не меньше. А двери и калитки все раскрываются...

Повесть о контакте

Часть первая

Случилось это в застойные времена. Сам товарищ Чингисов обещал быть к открытию районного чемпионата по игре в домино. Открытие решено было проводить на площади перед горкомом, у памятника землепроходцам.

Все знали, как радеет Чингисов о вопросах благоустройства: если по маршруту следования увидит колдобину или рытвину, сразу слетает повинная голова. Поэтому задача номер один была замостить площадь таким образом, чтобы горошина, пущенная с западного угла, где стоит памятник, без препятствий докатилась бы до восточного угла, где стоит горком.

Поручили операцию Корнелию Удалову.

Предварительно Батыев вызвал его к себе и долго «возил носом» по ковро. Чтобы Удалов проникся.

Удалов проникся. Перекрыли движение. Сняли асфальт. Стали копать глубже.

За два дня до приезда Чингисова ковш экскаватора натолкнулся на металл – чуть правее памятника, совсем близко к поверхности земли находился верх металлического предмета громадного размера.

Правда, про размер выяснилось к вечеру, когда предмет окопали с целью извлечения. Он оказался космическим кораблем неизвестного происхождения и возраста.

Батыев стоял у окна своего кабинета и гневался. Еще бы ему не гневаться! Если Чингисов увидит, до чего докатилось благоустройство в Великом Гусяре, без наказаний не обойтись.

– Засыпай! – крикнул Батыев из окна.

Удалов, который стоял на краю глубокой ямы и глядел на матовую, обожженную миллионами парсеков овальную поверхность космического корабля, поднял на крик голову и развел руками, потому что за его спиной сплоченной толпой стояла местная общественность. Общественность была готова к бою.

– Людмила, – велел проницательный Батыев, – прикажи немедленно закрыть почту и телеграф. На ремонт.

– Зачем? – спросила секретарша.

– А затем, что в любую минуту общественники начнут сыпать в Москву письма и телеграммы, чтобы к нам приехала комиссия.

– В ГАИ сообщить?

– Умница, – сказал Батыев и ласково ущипнул секретаршу. – Ни один интеллигент не покинет город.

А между тем из окна уже было видно, как общественность спускается к кораблю и постукивает кулаками по обшивке. Даже до кабинета Батыева долетал котельный гул.

Через десять минут профессор Минц, Елена Сергеевна из музея и провизор Савич от творческой интеллигенции попросились к Батыеву на прием.

Батыев демократично обошел стол, чтобы встретить их на полпути. Пожал всем руки. Мысленно пожелав им провалиться сквозь землю, спросил о здоровье и успехах.

– Как вы знаете... – начал профессор.

– Знаю, знаю, – вздохнул Батыев. – Рад бы вытащить, да нет у меня такого крана. И распилить нечем. Так что придется засыпать.

– Мы же не варвары! – сказала Елена Сергеевна.

– Если бы варвары, – сказал задумчиво Батыев, почесывая крепкую малиновую шею, – тогда бы взорвали к чертовой матери.

– Ах! – перепугалась Елена Сергеевна.

– Но мы не варвары! – воскликнул Батыев. – Мы сохраним это произведение природы. Для потомков.

– Правильно, – обрадовался провизор Савич. – Наш город прославится на весь мир. Еще бы – первый космический корабль с другой планеты.

– С другой? – насторожился Батыев и подошел к окну. – С чего вы решили?

– Это же очевидно.

– Ничего не очевидно. Может, он здесь всегда лежал, – сказал Батыев. – Но заверяю вас: как только завершим соревнования по игре в домино, сразу же займемся исследованиями. Тем более что Родине нужен металл!

– Когда? – не понял Минц. – Когда займемся?

– По завершении. Не хотите же вы погубить репутацию города в глазах гостей и лично товарища Чингисова?

– Как можно сравнивать? – удивился профессор Минц. – Какое-то районное мероприятие и веху в истории человечества.

– Я тебе, Минц, так скажу, – ответил Батыев. – Лично для меня нет ничего выше интересов родного города, который дал мне жизнь, образование и достойный пост. Как патриот и гражданин приказываю засыпать этот метеорит, а когда соревнования завершатся, посмотрим. Может, и раскопаем.

– Мы будем жаловаться, – сказал Минц.

– Жалуйтесь... – ответил Батыев, и по его тону было ясно, сколько слов он недоговорил. Как только общественность покинула кабинет, Батыев призвал Удалова:

– Почему не засыпашь?

– Как же, засыплешь, – плачущим голосом сказал Удалов. – Там уже пионеры понабежали.

– Так, – подытожил Батыев. – Значит, иди домой, Удалов. Не оправдал ты доверия. Не быть тебе начтроем.

Удалов ушел, а Батыев вызвал Слабенко и сказал, что из спецфондов управления всем, кто станет ночью засыпать железяку, будет выдано по тридцать рублей и по бутылке.

Перед отъездом домой Батыев вышел на площадь и постоял на земляном валу, глядя вниз на округлый бок космического корабля.

Потом растолкал толпу и поехал домой немного поспать, чтобы ночью лично выйти для руководства действиями. Но он еще не знал, что общественники уже отрядили Сашу Грубина в область за подмогой. Грубина сквозь кордоны провез в багажнике «жигулей» пригородный кооператор Силантьев – кордон он угостил недораспроданными на рынке дынями.

К сожалению, в любом городе найдутся темные силы, готовые порушить идею галактического контакта за тридцать рублей и бутылку водки. Общественность проморгала акцию: частично спала, а частично заседала на квартире у Минца.

Ранним утром люди снова начали стекаться к площади.

Площадь была неузнаваема. Она была залита свежим асфальтом. И обнесена заборчиком, чтобы никто этот асфальт раньше времени не топтал.

– Вы совершили тяжкое преступление! – закричал профессор Минц, стараясь пробиться на площадь мимо старшины Пилипенко.

– Какое преступление? – поинтересовался из окна Батыев.

– Здесь был космический корабль.

– Да вы с ума сошли! – крикнул в ответ Батыев. – В космосе жизни нет.

И тут на площадь въехала серая «Волга», остановилась перед горкомом, и из нее появились три пожилых человека. Они поднялись вверх, вошли к Батыеву.

– Я академик Вайнер, – сказал главный из пришедших. – Нам сообщили, что у вас раскопан древний космический корабль. Поздравляю!

Батыев послушно тряс руку академика, судорожно размышляя, что делать дальше.

Спас его Карась, который как раз находился в кабинете Батыева – они обсуждали, как приструнить общественность.

– Действительно нашли корабль! – подтвердил Карась радостно. – Только почему космический?

– А какой? – удивился академик.

– Поехали, – предложил Карась. – Сейчас покажем.

Батыев пошатнулся. Неужели даже Карась продаст?

Они спустились к подъезду. Академик задержался на секунду, с удивлением глядя на толпу людей, что рвались на огороженное пространство, громко конфликтуя с милиционерами.

– К кроссу готовимся, – быстро сказал Карась. – Сейчас старт будет. Бегом от инфаркта!

Машины не спеша добрались до пристани. Там стоял старый пароход, еще дореволюционный. Который год его собирались переделать под общежитие для туристов.

– Смотрите, – сказал Карась, подводя гостей к пароходу. – Он только на вид дряхлый. Мы нашли его, подняли со дна и теперь устроим здесь музей. Красиво? Хотите ознакомиться?

– Но нам сообщили, что космический... – пробормотал академик Вайнер.

– Если не секрет, кто сообщил? – быстро спросил Карась.

– Молодой человек, назвавшийся Александром Грубиным. Он привез письмо от профессора Минца. Кстати, мы хотим с ним поговорить.

– Ах, Грубин, Грубин, – вздохнул Карась. – Вечно он со своими розыгрышами. Хулиган.

– Хулиган, – согласился Батыев.

– Сам же провожал Минца в отпуск, – сказал Карась. – Позавчера. Отдыхает профессор.

Проводив до шоссе растерянных гостей, Батыев с Карасем победителями вернулись в город.

– Ну, спасибо, Карась, – сказал Батыев. – Помог ты мне.

– Себе тоже, – ответил Карась. – Мы с вами одной ниточкой повязаны. Если Чингисов увидит, что асфальта нет, обе головы полететь могут.

– Живем тихо, планы выполняем, культуру помаленьку развиваем, – произнес Батыев. – Зачем нездоровое внимание?

– Еще, не дай бог, – сказал Карась, – примчатся иностранные корреспонденты.

– И шпионы, – понизив голос, добавил Батыев. – Обязательно.

– Я так думаю, – предложил Карась, – когда проведем соревнование по домино, надо будет этот корабль все же вытащить, распилить или взорвать.

– Правильно говоришь, – согласился Батыев. – Пока он таится под площадью, мы с тобой сидим на бомбе замедленного действия.

Машина подъехала к площади.

На площади было неладно.

Уже громадная толпа кишела в ее центре. Точно огромные скомканные пласты копировальной бумаги, корежилась на площади асфальт. Лопатами, кирками, а то и голыми руками население восстановило злополучную яму.

Открыв люк, Минц первым вошел в корабль. Там лежал в состоянии анабиоза вполне живой космонавт. Его перенесли в больницу и начали оживлять. И корабль на ночь заперли, чтобы никто не забрался внутрь.

Пока медицина возилась с космонавтом, на город опустилась летняя ночь. И никто не видел, как на площадь вышла массивная фигура Батыева. Он взял лопату и принялся засыпать яму.

Батыев работал до рассвета, но яма почти не уменьшалась.

Наступило утро, уже пошли на работу люди, местное радио передало второй бюллетень о состоянии здоровья пришельца, который раскрыл глаза и сказал всем спасибо. А Батыев все засыпал яму.

В девять часов к Батыеву присоединился Кобчиков из общего отдела. Он рассчитывал на повышение. Секретарша Людмила принесла Батыеву стакан чая с лимоном.

И тут на площадь въехала кавалькада машин во главе с товарищем Чингисовым.

Чингисов сидел на заднем сиденье и уже перекатывал пальцами в кармане горошину, с помощью которой проверял, хорошо ли заботятся о дорогах и площадях во вверенных ему городах и поселках. И что же он увидел? На центральной площади Великого Гусляра зияла яма с пятиэтажный дом, в которой лежала железяка гигантского размера. Возле ямы стоял Батыев и пил чай с лимоном.

Именно эта деталь более всего взбесила Чингисова – районный руководитель не только довел мостовые до жуткого состояния, но еще и цинично распивал чай.

Все это Чингисов высказал Батыеву. И, не выслушав его объяснений, уехал.

Батыев уселся на краю ямы и первый раз в жизни заплакал.

А в больнице пришелец скушал чашку куриного бульона и сказал, что теперь положит жизнь, чтобы отблагодарить город.

Часть вторая

В кабинет осунувшегося Батыева вошел человек махонького роста с зеленоватым личиком.

– Я пришел, – сказал он, – от имени цивилизованной галактики высказать вам благодарность как отцу города за мое спасение.

– Садитесь, – сказал Батыев. – В ногах правды нет.

Батыев старался улыбаться, хотя улыбаться было не из-за чего – вот-вот в город должны нагрянуть корреспонденты и шпионы.

– Чем могу быть вам полезен? – спросил пришелец.

– Вас, наверное, тянет домой, – сказал Батыев. – К родным. Мы вас не задерживаем.

– Вы благородны, – ответил пришелец. – Но родные подождут. Они ждали восемьсот лет, и ничего с ними не случится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.